

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ ПО АРХЕОЛОГИИ

**СТЕПИ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Том 8

Золотоордынское время

Сборник научных работ

ДОНЕЦК 2010

ПОГРЕБЕНИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НОМАДОВ С ЗАЩИТНЫМ ВООРУЖЕНИЕМ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Общеизвестно, что доспех является важнейшим атрибутом военно-технической культуры и благодаря особенностям конструкции и оформления может выступать в качестве дополнительного источника при этноисторическом и этнокультурном анализе (Кубарев Г.В., 2002, с.88).

Возникший еще во 2-й пол.ХІХ – нач.ХХ в. интерес к защитному вооружению номадов (в связи с массовыми раскопками курганов в южнорусских степях) повлек за собой дискуссии о датировке и этнической принадлежности как самого доспеха, так и комплексов, из которых он происходил (Бобринский А.А., 1901, с.122-124; фон Ленц Э., 1902; Спицын А.А., 1905; Хойновский И.А., 1896, с.118-123; Arendt W., 1935; Brandenburg N.E., 1897; von Lenz E., 1924). На протяжении ХХ в. интерес к этой тематике то угасал, то вспыхивал с новой силой.

В последние десятилетия позднекочевнические погребения с защитным вооружением неоднократно становились объектом исследования археологов-медиевистов и оружейников. Публикуются как отдельные комплексы (Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990; Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001; Зеленский Ю.В., 1997; Каминская И.В., 1989; Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001; Horváth F., 2001), так и группы погребений (Блохин В.Г. и др., 2003; Парусимов И.Н., 2007; Горелик М.В., 2008 и др.). Существуют и обобщающие работы по вооружению, в которых использованы материалы из захоронений восточноевропейских номадов (Кирпичников А.Н., 1971; Горелик М.В., 1983; 1987 и др.). В классическом труде Г.А.Федорова-Давыдова (1966) также есть разделы, посвященные защитному вооружению. В этих работах авторы, как правило, рассматривают типологию и хронологию доспеха, а также проблему этнической идентификации погребальных комплексов.

Однако есть интересный момент в обрядности этих захоронений, который иногда вскользь отмечается исследователями, но специальных разработок на эту тему нет. Речь идет о местоположении доспеха в погребении. Дело в том, что в одних случаях защитное вооружение надето на погребенного, а в других – оно располагается в определенных

местах могилы. Это могло быть связано с этнокультурной ситуацией, трансформацией обряда с течением времени, с локальными особенностями, мировоззренческими установками и т.д. Выяснению причин такой разной обрядности и посвящена настоящая работа.

Как известно, погребальные памятники ставятся исследователями в один ряд с теми археологическими источниками, осмысление которых допускает этнокультурные и социологические реконструкции, адекватные изучаемому времени. Но, к сожалению, до сих пор нет “единой концепции относительно заложенной в погребальном обряде информации и способов ее извлечения...” (Иванова С.В., 2002, с.45). Работ, посвященных организации отдельных категорий вещей в пространстве могилы, немного. Так, Ю.Б.Полидовичем проанализировано месторасположение керамических сосудов в погребениях эпохи поздней бронзы и предскифского времени (Полидович Ю.Б., 1997; 2005), а Е.А.Черленком – расположение в погребениях щитковых и желобчатых псалиев (Черленок Е.А., 2004; 2005, с.13). А.В.Евглевский исследовал семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде кочевников 2-й пол.ІХ – ХІV в. (Евглевский А.В., 2002). Особенности расположения предметов узды в скифских погребальных комплексах Нижнего Поволжья успешно изучает М.А.Очир-Горяева (2004; Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В., 2006). Интересные наблюдения относительно положения оружия в скифских погребениях, связанного, по мнению автора, с магическими функциями, сделала С.С.Бессонова (Бессонова С.С., 1984, с.7-11).

Общая характеристика источника

Источниковой базой нашей статьи являются позднекочевнические погребения Восточной Европы ХІІ-ХІV вв., в состав инвентаря которых входят шлемы или кольчуги, а также шлемы и кольчуги одновременно (рис.1). Хронологические рамки определяются тем, что, как известно, для печенежского времени зафиксировано полное отсутствие в по-

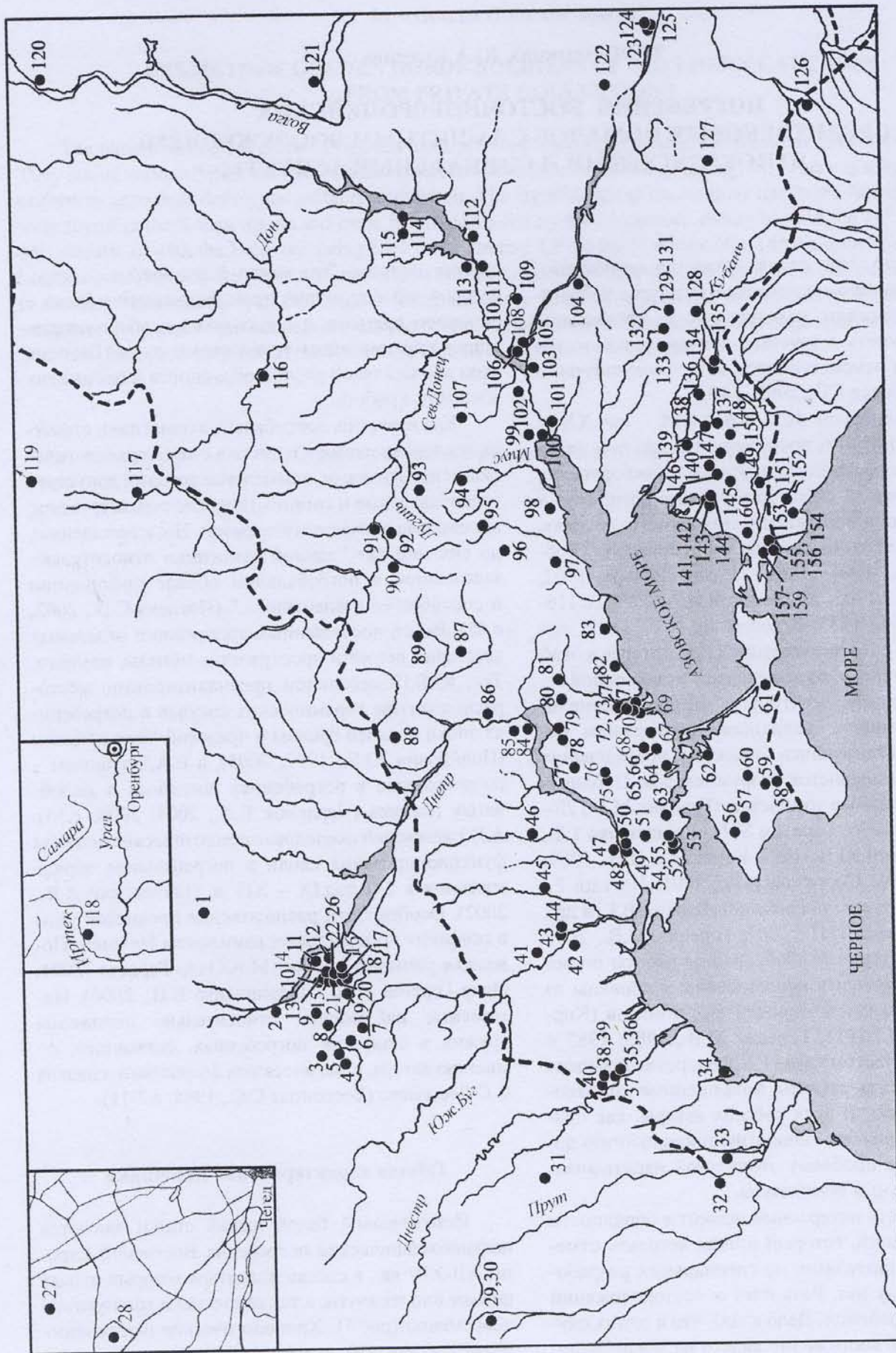

Рис. 1. Распространение погребений поздних кочевников с кольчугами и шлемами; шлемами в Восточной Европе. №№ на карте

соответствуют №№ комплексов в Приложении.

Fig. 1. Spread of burials of late nomads clad in chain armours and helmets; helmets in Eastern Europe. The numbers on the map correspond to those of complexes in the Appendix

гребениях защитного металлического вооружения (Атавин А.Г., 2008, с.85). В нескольких погребениях номадов половецко-золотоордынского периода обнаружены пластинчатый и кольчато-пластинчатый доспехи. Поскольку их количество невелико, и находят их, как правило, не *in situ*, мы решили не включать эти захоронения в источниковую базу данной работы. Не включены в нее и случайные находки.

Выборку составляют 160 погребений¹. Из них кольчуга найдена в 77 комплексах, шлем – в 21, а полный комплект (кольчуга и шлем) – в 62. Много это или мало по отношению к общему массиву позднекочевнических захоронений XII-XIV вв.? В историографии на этот счет сложилось два противоположных мнения. Г.А.Федоров-Давыдов полагал, что кольчуга представляла собой обычный вид защитного вооружения кочевников, она, как и шлем, по его мнению, довольно часто встречается в захоронениях номадов средневековья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.32, 35). С.А.Плетнева, напротив, считала, что оборонительные доспехи – редчайшая находка в погребениях поздних кочевников (Плетнева С.А., 1981, с.215; 2003, с.147). На данный момент нам известно около 1960 комплексов половецко-золотоордынского времени на территории Восточной Европы. Из их числа погребения с металлическими доспехами составляют всего 8,2%, что в 2 раза меньше, чем, например, захоронений с саблями (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.120).

Таким образом, действительно оборонительное вооружение в позднекочевнических погребениях – явление относительно редкое. Объясняется это, по-видимому, тем, что доспехи, учитывая их высокое качество и стоимость, в случае смерти сородича номады старались передать по наследству, лишь в отдельных случаях помещая в могилу вместе с умершим. В первую очередь, исследователи отмечают подобное отношение к оружию вообще, и к доспехам, в частности, у монголов (Горелик М.В., 1979, с.93; Немеров В.Ф., 1987, с.212), которые никогда не оставляли на поле битвы металлические доспехи, поскольку за это грозила смертная казнь. Оружие собиралось и раздавалось воинам (Лубсан Данзан, 1973, с.122). Это особое отношение к оружию и доспехам отразилось и в тюрко-монгольском эпосе: “батыр никогда не должен расставаться со своим оружием, чтобы никто не мог застать его врасплох” (Липец Р.С., 1984, с.63).

Из 83 шлемов нашей выборки сохранность и полноценное описание 47 экземпляров позволяют определить их тип. Большинство наголовий (32 экз.) относится к типу IIА, по А.Н.Кирпичникову, или типу III/IV, по Г.А.Федорову-Давыдову. Это самая распространенная форма шлемов, туляя кото-

рых состоит из четырех секторов. Как справедливо отметил еще В.Аренд, этот тип шлемов восходит к наиболее ранней (IX-XI вв.) восточноевропейской традиции (Arendt W., 1935). У поздних кочевников подобные наголовья появляются, по нашему мнению, приблизительно в сер.XII в. и бытуют до сер. XIV в. Шлемы этого вида были очень просты в изготовлении, их даже не снабжали бармицами и, возможно, не подвергали полировке, на что указывает оклеивание тульи кожей и материей. К самым ранним (сер.XIII в.) экземплярам этого типа из нашей выборки можно отнести невысокие полусферические/сфероконические наголовья (Масхаги, Бураковский, Столбовое).

К этому же типу относятся пять шлемов из Бабичей, Томаковки, Квасниковки, Верхне-Янченкова, “Большого кургана” (ур.Частое), которые отличаются от общей массы своей отделкой. Это обтянутые золоченым медным листом очень дорогие наголовья с изящно декорированными бронзовыми венцами и наверхиями. А.Н.Кирпичников предполагает их древнерусское происхождение (Кирпичников А.Н., 1962; 1971, с.27-28), мы с ним не совсем согласны, но, как бы там ни было, это явно не степное производство. По-видимому, данная группа шлемов восходит к более ранним статусным золоченым изделиям типа найденных на Черниговском некрополе в кургане “Черная могила”. Важная деталь, которую, на наш взгляд, необходимо отметить, – упомянутые шлемы обнаружены в очень бедных по составу инвентаря погребениях. Причину этого явления мы попытаемся выяснить в последующих разделах.

В золотоордынский период, во время бурного развития военного дела, четырехчастную конструкцию подвергали изменениям. Одним из них является снабжение тульи круговой бармицей, защищающей все лицо, и рудиментарным наносником, образованным надглазными вырезами (Пролетарский, Кривуша, Маяк-II). Следует отметить, что этот вид был более дорогой, так как ряд шлемов данной серии снабжен бронзовыми наверхиями (Лебеди, Старонижестеблиевская). Е.И.Нарожный датирует этот измененный вид шлемов в пределах XIV в. (Нарожный Е.И., 2005, с.93-100), а Ю.В.Зеленский полагает, что для этого недостаточно оснований и предлагает свою датировку: 2-я пол.XIII – XIV в. (Зеленский Ю.В., 2005, с.99-100). Мы же склонны отнести эту группу к 3-й четв.XIII – сер.XIV в. Важно отметить также, что находки подобных наголовий пока не известны за пределами Северного Приазовья и степной зоны Северо-Западного Предкавказья, а это позволяет считать указанную модернизацию локальной.

¹ Благодарим А.В.Евглевского за возможность использования материалов из его личного архива.

Наиболее же широкой модернизацией, как территориально, так и технически, можно считать присоединение к четырехчастной тулье козырька (Высокая гора, Олень-Колодезь). По нашему мнению, она была и самой ранней, поскольку связывается с появлением татаро-монгол в Восточной Европе. В нач. XIV в. эти шлемы в связи с широким распространением тяжелых клинков и ударно-дробящего оружия перестали отвечать боевым требованиям. Оружейники были вынуждены искать новые пути развития этой технологии. По-видимому, сначала попытались за счет конструкции увеличить высоту шлема. В результате полусферическая/сфероконическая форма изменилась на цилиндрическую (Олень-Колодезь). Позже была изменена сама конструкция путем добавления широкого венца-основания (Калиновское, Малаи, Новая Одесса). У нас нет точных данных о верхней дате существования шлемов этой серии, но, судя по изображениям (например, Swietoslawski W., 1999, s.117, pl.V), в 70 гг XIV в. они еще использовались.

Вторая группа шлемов из нашей выборки – это куполообразные золоченые трехчастные наголовья с полумасками (тип IV, по А.Н.Кирпичникову, или тип V, по Г.А.Федорову-Давыдову). В позднековечных погребениях пока известно только три экземпляра шлемов этого типа (Моску, Чингул, Таборовка), хотя в целом на территории Восточной Европы их найдено больше (Петров Ю.Ю., 1997, с.139-143). Эта группа шлемов одна из наиболее спорных и обсуждаемых. Не раз поднимался вопрос о ее этнической и культурной атрибуции (Кирпичников А.Н., 1971, с.29-31; Горелик М.В., 1998, с.268; 2002, с.25-26; 2003, с.235-237; Петров Ю.Ю., 1997, с.139-143; Негин А.Е., 2001), но единого мнения до сих пор так и не выработано. При этом почему-то никто не обращает внимания на технику золочения, а на большинстве шлемов этого типа она нанесена амальгамированием, что в домонгольский период в Восточной Европе практически не встречается. Сама же трехчастная конструкция ранее XIII в. не известна. По нашему мнению, эту группу шлемов следует датировать в пределах 1250-1340 гг, хотя возможны и более узкие даты.

К третьей группе исследуемых нами боевых наголовий (10 экз.) относятся высокие крутобокие шлемы с вытянутым коническим верхом (тип ПБ, по А.Н.Кирпичникову, а, по Г.А.Федорову-Давыдову, тип I). Характерными их признаками являются рудиментарный наносник, образованный надглазными вырезами, и длинный шпиль, посаженный в высокую втулку на четырех крепежных “лапках” (Таганча, Бурты, Ботиево). Ряд исследователей считает их продуктом древнерусских бронников (Кирпичников А.Н., 1959; Жуков К.А., 2005, с.21), но эта группа известна пока исключительно

в золотоордынских погребениях. На наш взгляд, ее можно датировать 40 гг – кон. XIV в.

К последней, наименее представительной, группе мы отнесли глубокие цилиндрикоконические наголовья (тип III, по А.Н.Кирпичникову, тип II, по Г.А.Федорову-Давыдову). В позднековечных погребениях известно всего две подобные находки (Липовец, Ковали), и в обоих случаях они снабжены антропоморфными забралами-личинами. Судя по защитным характеристикам и особенностям изготовления, их можно датировать сер. – кон. XIV в.

Внешний вид позднековечных **кольчуг**, к сожалению, мало информативен. Вызвано это, в первую очередь, тем, что значительная часть доспеха обнаружена во фрагментах или в сложенном виде. В тех же случаях, когда кольчуга была надета на погребенного, авторы раскопок, как правило, не пытаются досконально проследить ее крой.

В целом, позднековечные кольчуги представляют собой длинные до середины бедра рубашки, с короткими, по локоть, рукавами и стоячим воротником. Исключением является кольчуга из погребения 1 кургана 2 могильника Южный, у которой длинные рукава и капюшон. Возможно, здесь мы имеем дело с западноевропейским импортом. Так же схожи и технические характеристики (проволочные или плоские штампованные), размер (диаметр от 0,8 до 2 см), сечение (круглое или овальное) и способ сборки колец (как правило, в одно клепаное пропущено четыре цельных) большинства кольчуг. Исключением является доспех из погребения 5 кургана 7 могильника Шумаевский II, где все кольца сведены встык. Все эти факторы, по-видимому, и послужили той причиной, из-за которой позднековечные кольчуги ни разу не становились предметом тщательного изучения.

Однако среди исследуемой выборки защитного доспеха мы все же можем выявить особенность, характерную для одного вида кольчуг, скорее всего, получившего распространение в золотоордынский период. Речь идет о доспехе типа “казакин”. Подробное его описание приводит Усама ибн Мункыз (1958, с.172). Это стеганный кафтан, внутрь которого вшивалась кольчуга. По нашему мнению, именно к таким казакинам относятся кольчуги из кургана 53 у с.Ковали и погребения 14 кургана 9 могильника Тузлуки. Данные изделия имеют осевой разрез спереди, вследствие чего их использование в самостоятельном виде маловероятно. Также, возможно, к этому типу доспеха могут относиться кольчуги, у которых фиксируются следы текстиля на поверхности (Лебеди, Таганча, Калиновское). В то же время наличие в плетении медных и позолоченных колец наоборот может указывать исключительно на самостоятельное использование кольчуг (Бубнов Ерик, Каирка, Олень-Колодезь). На использование коль-

чуг в составе казакинов может указывать и крупный размер колец, от 1,5 до 2 см (Самойлово, Дмитриевская 4/1 и 4/2). В целом, роль и характерные детали казакинов в позднекочевническом комплексе вооружения еще предстоит изучить, но это не является задачей данной работы.

Местоположение доспеха в позднекочевнических погребениях

Местоположение кольчуг и шлемов в позднекочевнических погребениях отмечали отдельные исследователи. Так, по мнению Г.А.Федорова-Давыдова, кольчугу чаще всего клали свернутой в узел у головы, и лишь в нескольких случаях она была надета на тело погребенного (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.35). Ю.В.Зеленский пишет более осторожно: "В погребениях кольчуги обычно лежат свернутые возле погребенного или надеты на него, шлемы надеты на голову погребенного" (Зеленский Ю.В., 1998, с.33). А вот Р.Б.Схатум полагает, что шлемы в кочевнических погребениях "всегда располагаются либо в головах, либо на голове" (Схатум Р.Б., 2005, с.338).

Из 160 комплексов нашей выборки кольчуга зафиксирована в 139 (в трех погребениях по 2 кольчуги), что составляет 7,1% от известного нам количества (≈ 1960) половецко-золотоордынских погребений. Известно местоположение 95 экземпляров (в 92 комплексах). Кольчуга обнаружена не *in situ* или ее местоположение не отмечено в 49 случаях. Кольчуг без шлемов 79 (77 комплексов), из них известно местоположение у 49 (47 комплексов).

Из 95 кольчуг 58 (61,1%) были надеты на погребенного, при этом в 27 комплексах зафиксированы также и шлемы (рис.2). Местоположение наголовий следующее:

- на голове - 22 (81,5%)
- справа от головы - 3
- рядом с головой - 1
- на перекрытии - 1.

Таким образом, из 27 комплектов кольчуг со шлемами (местоположение кольчуги - "надета на погребенного") у подавляющего большинства (81,5%) шлемов также зафиксировано местоположение "надет на погребенного", т.е. на голове.

У 37 кольчуг (из 36 комплексов) зафиксировано местоположение не "на погребенном", а в определенных местах погребального сооружения. 18 кольчуг (17 комплексов) были положены без шлема:

- в головах - 5
- в ногах - 9
- рядом с погребенным - 1
- на коне - 2
- другое - 1.

В 19 комплексах кольчуга сочеталась с шлемом. Они располагались относительно погребенного следующим образом:

- в головах - 4
- в ногах - 6
- кольчуга в ногах, шлем в головах - 4
- кольчуга в головах, шлем в ногах - 1
- слева от погребенного - 1
- кольчуга рядом, шлем на погребенном - 1
- кольчуга в ногах, шлем на перекрытии - 1
- кольчуга рядом, шлем в головах - 1.

Таким образом, среди погребений 2 группы кольчуга чаще всего располагалась в ногах - 20 (54%) и головах - 10 (27%). При этом во всех комплексах, где кольчуга не надета (19 - 100%), шлем также не был надет на голову (рис.3).

Следует обратить внимание на тот факт, что "ненадетая" кольчуга, как отмечается в отчетах и публикациях, обычно "сложена валиком", "свернута в рулон", "сложена в кучу". Однако есть и исключения: в Пилипенковской-1, 1/2 кольчуга накрывала погребенного от пояса до колен, а в Цозоровке 250/1 и Бубнов Ерике-IV, п.1 кольчуга была уложена поперек коня. В комплексе Шумаевский-II, 7/5 для кольчуги была сделана специальная ниша за головой умершего. Как уже отмечалось выше, в трех погребениях зафиксировано наличие двух кольчуг. В захоронении у ст.Раевской одна кольчуга была свернута под головой, а вторая лежала справа от умершего, занимая пространство от колена до ступни. Ситуация в Дубовиках-1, 1/3 более интересная. По мнению автора публикации, одна свернутая кольчуга располагалась слева от ступни погребенного, а вторая была расстелена под его туловищем (Шалобудов В.Н., 1990, с.113). Мы полагаем, поскольку погребение ограблено, и большое количество фрагментов кольчуги найдено в заполнении, что вторая кольчуга была надета на умершего. В погребении Анапа к.5 одна кольчуга была надета на умершего мужчину (кроме него, в захоронении находились женщина и ребенок), а вторая лежала справа от его головы. Поэтому при статистических подсчетах 1 кольчуга из Дубовиков и Анапы к.5 учитывалась в группе "надетых", а вторая - в группе "иное местоположение".

Шлемы обнаружены в 83 погребениях (что составляет всего 4,2% от половецко-золотоордынских погребений), из них известно местоположение 56 экземпляров. 27 шлемов найдены не *in situ*, или их местоположение не зафиксировано. В 21 (25%) захоронении шлемы были положены без кольчуг. 26 шлемов были надеты на голову погребенного, из них 4 - без кольчуги. Во всех 22 (100%) случаях, когда шлем обнаружен на голове, кольчуга также зафиксирована надетой на умершего.

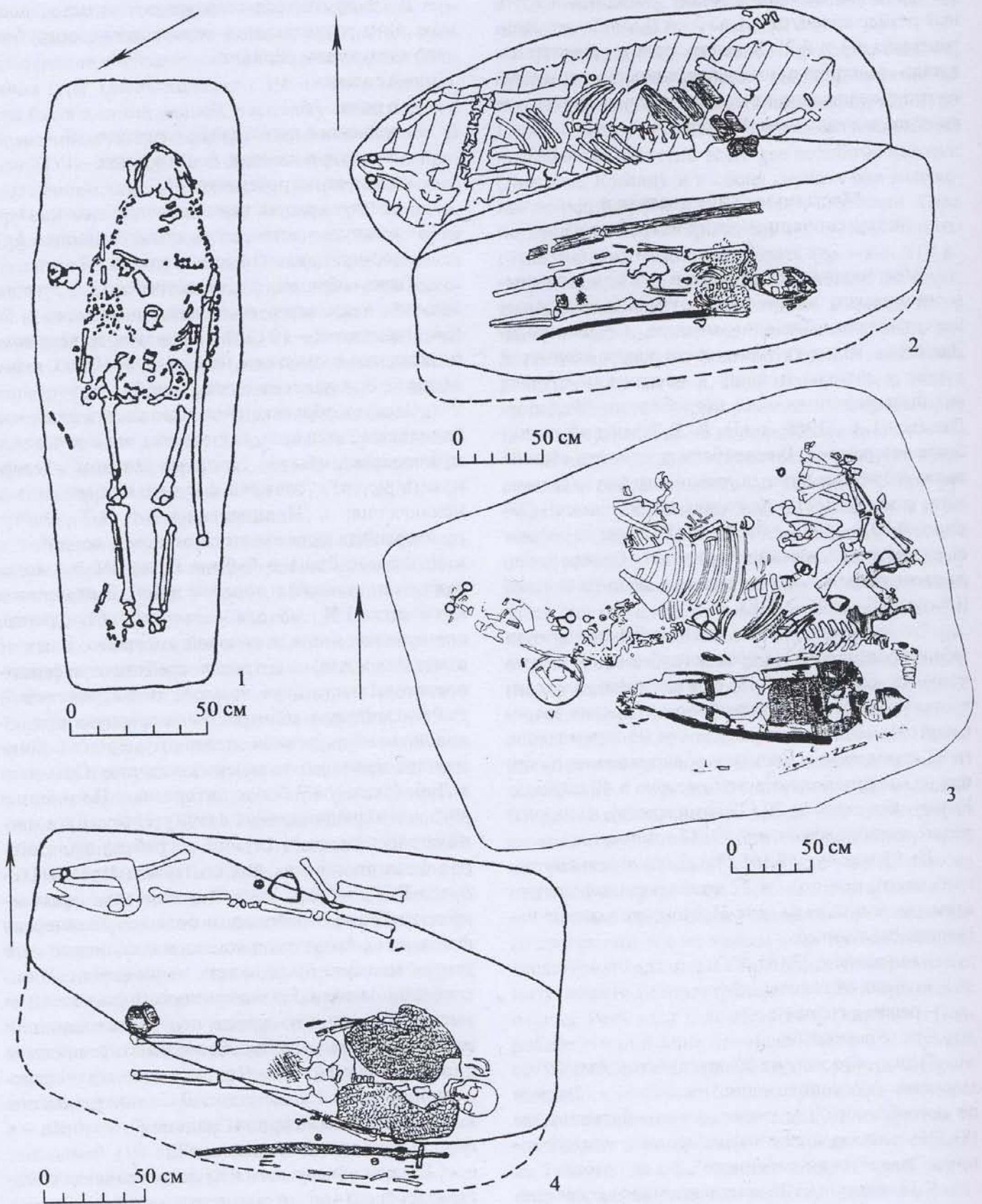

Рис. 2. Позднекочевнические погребения с надетым на умершего оборонительным вооружением: 1 – Пролетарский (по: Зеленский Ю.В., 1997, рис.1); 2 – Маяк-II, 3/1 (по: Парусимов И.Н., 2007, рис.4); 3 – Дмитриевская-I, 1/2 (по: Блохин В.Г. и др., 2003, рис.3); 4 – Тузлуки 9/14 (по: Парусимов И.Н., 2007, рис.1).
 Fig. 2. Late nomadic burials with the deceased dressed in chain armours and helmets: 1 – Proletarskii (by: Зеленский Ю.В., 1997, рис.1); 2 – Maiak-II, 3/1 (by Парусимов И.Н., 2007, рис.4); 3 – Dmitriyevskaia-I, 1/2 (by: Блохин В.Г. и др., 2003, рис.3); 4 – Tuzluki 9/14 (by: Парусимов И.Н., 2007, рис.1)

Шлемы, имеющие иное местоположение, найдены в 30 погребениях, из них рядом с кольчугой или на ней находилось 9 экземпляров. В 6 случаях шлем обнаружен без кольчуги, в 5 – кольчуга была надета. Местоположение этой группы шлемов следующее:

- в изголовье – 7
- справа от головы – 9
- слева от головы – 3
- в ногах – 7
- между колен – 1
- на перекрытии – 1
- слева от погребенного – 1
- на погребенном – 1.

Таким образом, большинство шлемов из этой группы (19 – 63%) располагалось в районе головы. Значительное количество шлемов (8 – 27%) обнаружено в районе ног.

Нетрудно заметить, что процентные показатели местоположения шлемов второй группы достаточно близки процентным показателям кольчуг из второй группы (иное местоположение), правда, с точностью наоборот. То есть большинство кольчуг (54%) находилось в ногах, а 27% – в головах.

Общие цифровые показатели следующие: две трети (61%) кольчуг были надеты на погребенного, почти половина (46%) шлемов зафиксирована “на голове”, 34% – в районе головы, 14% – в районе ног.

Таким образом, наши данные опровергают наблюдения как Г.А.Федорова-Давыдова (по кольчугам), так и Ю.В.Зеленского и Р.Б.Схатума (по шлемам). И если мнение Г.А.Федорова-Давыдова, основанное всего на 31 экземпляре, высказано более 40 лет назад, то последние два исследователя оперируют современными сведениями, однако, почему-то ими были проигнорированы не только комплексы из Северного Приазовья (Чингул, Ботицево 4/1, Каирка 3/1) и междуречья Прута и Днестра (Межерички к.2, Плоское 50.98/228), но и погребения из Прикубанья (Коллекторский 2/14; Коллекторский 1/1 – Краснодарский край; Калиновское 10/1 – Ставропольский край), которые должны быть им хорошо известны. Последнее привело этих авторов к необоснованным этнокультурным выводам, о чем будет сказано ниже.

Характеристика погребального обряда и инвентаря

Погребальный обряд представленной выборки захоронений характеризуется следующими признаками. Из 160 комплексов в 46 ориентировка человека не установлена или не известна. Ориентировка 114 захоронений распределяется таким образом: западный сектор – 51,7%, восточный сектор – 39,5%,

северный сектор – 7,9%, южный сектор – 0,9%. В группе “защитное вооружение надето” у 58 погребенных зафиксирована ориентировка по следующим секторам: западный – 26 (44,8%), восточный – 29 (50%), северный – 2 (3,5%), южный – 1 (1,7%). Во второй группе с “иным” местоположением шлемов и кольчуг ориентировка погребенных имеет другие показатели: западный сектор – 21 (56,8%), восточный – 6 (16,2%), северный – 10 (27%). Как видим, в ориентировке этой группы преобладает западный сектор и довольно значительная часть северного сектора.

Из 160 комплексов конь зафиксирован в 93 (58%). Типы коня (по А.Г.Атавину) следующие:

- целый конь – 36
- 2 целых коня – 6
- 5 целых коней – 1
- 3 тип чучела (шкура) – 19 (из них в 2 комплексах по 2 коня)
- 2 тип чучела (шкура) – 4
- тип не ясен – 27.

Почти в половине погребений (43 – 46%) устроители обряда положили одного (или более) целого коня. В сумме с захоронениями, в которых зафиксировано чучело (шкура) 3 типа, они составляют 62 (67%).

Детали погребального обряда полностью прослежены лишь в 72 (45%) погребениях, в 57 комплексах частично, так как они по разным причинам (ограбления, землеройные животные, техника и т.д.) разрушены. По 31 захоронению сведения отсутствуют. Картина вырисовывается следующая. Впускных погребений в 2,3 раза больше, чем основных, соответственно – 69% и 31%. Досыпка отмечена в 7 случаях, кромлех – в 3, каменный заклад и ров – в 6, необычный ритуал (применение огня и т.д.) – в 5. Конструкция могильного сооружения зафиксирована в 112 погребениях: яма (или подбой) со ступенькой – 53, простая яма – 37, простая яма больших размеров – 14, яма с заплечиками – 9. Наличие гробовища отмечено в 71 случае.

Инвентарь исследуемой выборки погребений достаточно разнообразен. Из 160 комплексов инвентарь (или сведения о нем) полностью или частично сохранился в 151 захоронении. Чаще всего в погребениях зафиксированы колчан и стрелы (120 – 79,5%), сабли (103 – 68,2%), стремяна (104 – 68,9%) и удила (84 – 55,6%). Довольно часто встречались лук (42 – 27,8%), котел (36 – 23,8%), кресало (33 – 21,9%), золотые и серебряные серьги (24 – 15,9%), седло (25 – 16,6%), копье (24 – 15,9%), бронзовые и серебряные браслеты и другие украшения (22 – 14,6%), гончарный сосуд (23 – 15,2%), распрямленная гривна (19 – 12,6%), бронзовые и серебряные пряжки и наконечники ремней (20 – 13,2%). Необходимо отметить присутствие в погребениях пар-

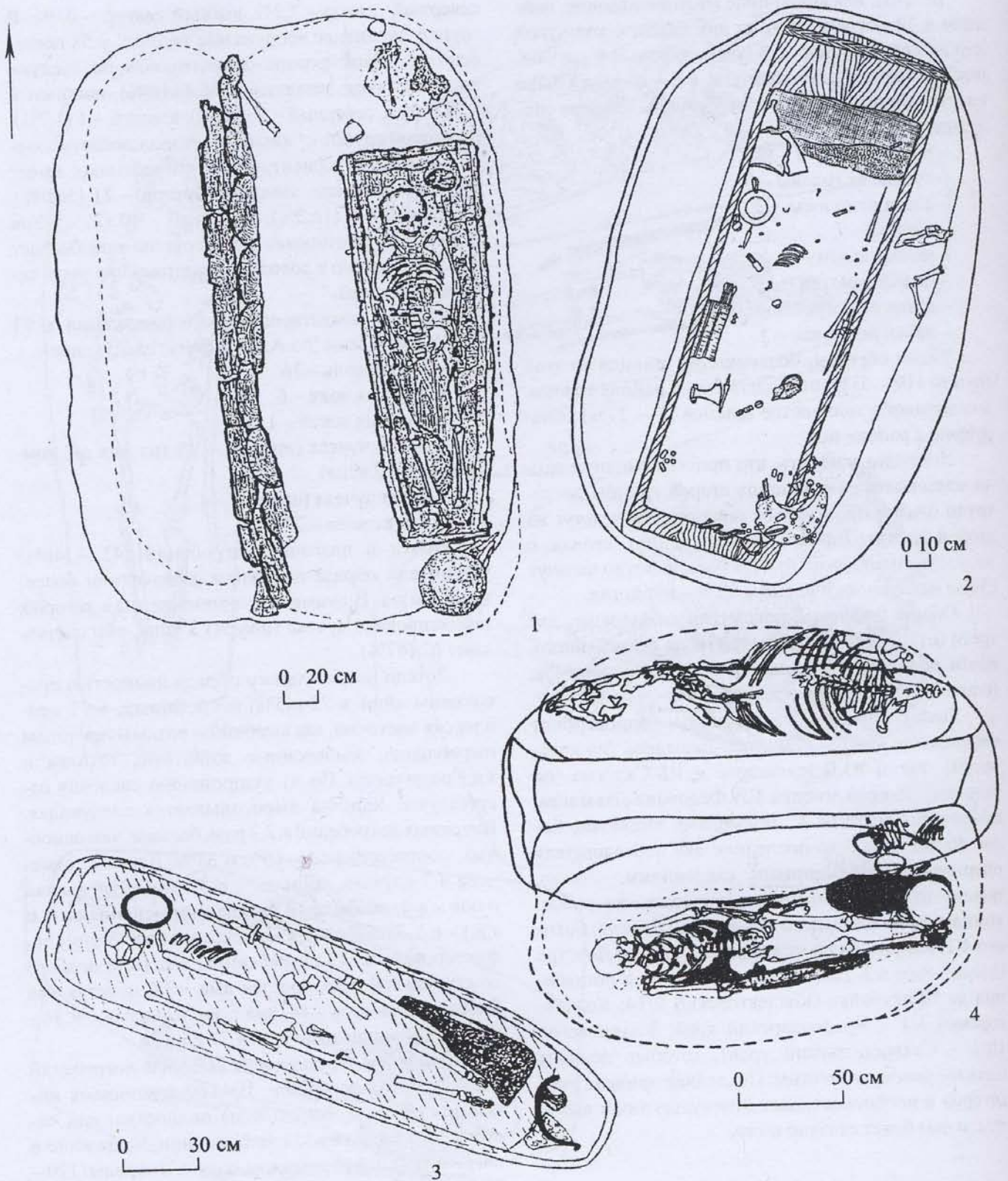

Рис. 3. Позднекочевнические погребения с уложенным в разных местах могилы оборонительным вооружением: 1 – Высокая гора 2/1 (по: Кравец В.В. и др., 2000); 2 – Олень-Колодезь 7/1 (по: Ефимов К.Ю., 1999); 3 – Малаи 3/1 (по: Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002); 4 – Калиновское 10/1 (по: Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2008, рис.2).

Fig. 3. Late nomadic burials with armature placed in different parts of grave: 1 – *Vysokaia gora* 2/1 (by: Кравец В.В. и др., 2000); 2 – *Olen-Kolodez* 7/1 (by: Ефимов К.Ю., 1999); 3 – *Malai* 3/1 (by: Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002); 4 – *Kalinovskoe* 10/1 (by Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2008, рис.2)

чи и шелка (14 случаев), бронзовых и серебряных сосудов (15), монет (14), бронзовых и серебряных бляшек (13), золотых украшений (12), кинжалов (11), бус и подвесок из различных материалов (11), амфор (7). Из единичных находок привлекают внимание наручи (4) и поножи (3), булава (5), топор (4), шпоры (4), стеклянный сосуд (4), шейная гривна (3), замок и ключи (3), щит (2) и др.

При сравнении инвентаря в группах (местоположение доспеха “надет” и “не надет”) вырисовывается следующая картина. Процентное соотношение отдельных категорий инвентаря (колчан и стрелы, лук, котел, седло, гончарный сосуд, кресало, парча, шелк) по отношению к общему количеству погребений в группах достаточно близкое (разница менее 10%). В то же время по другим категориям разница достаточно заметная (от 10 до 30%) (табл.1).

Табл.1. Процентное соотношение отдельных категорий инвентаря по группам погребений с надетым и ненадетым доспехом

Местоположение доспеха / Инвентарь	Надет (%)	Не надет (%)
Сабли	90,2	73,8
Стремена	63,9	90,5
Удила	52,5	73,8
Распрямленная гривна	23	9,5
Копье	11,5	35,7
Бронзовые и серебр. сосуды	1,6	31
Золотые украшения	4,9	21,4

При анализе погребального инвентаря основного источника выяснилось, что в захоронениях он распределен неравномерно. В большинстве погребений (57,3%) комплекс инвентаря, помимо доспеха, состоял из обычных предметов вооружения (сабля, лук, стрелы, копье), конского снаряжения (стремена, удила, седло), сосуда, бронзовых или серебряных украшений и др. В 33% погребений, кроме представительного инвентаря, зафиксированы статусные (ранговые) вещи: котел, гривна (распрямленная или шейная), наборной (или парчовый) пояс или большое количество предметов из драгметаллов. И, наконец, в 9,7% комплексов набор инвентаря был не только максимально представительным, включая статусные предметы, но и богатым. Здесь присутствовали золотые украшения, парчовая и шелковая одежда, поножи, нару-

чи, топор, булава, амфора, аграф, замок, ключи и многое другое.

Подтверждает правильность разграничения погребений со статусными предметами и обычным инвентарем, на наш взгляд, и состав доспехов. Так, в большинстве (53%) погребений со статусными предметами обнаружен полный комплект доспехов. А в группе погребений с обычным инвентарем захоронения с полным комплектом доспехов составляют лишь 36,5%. В то же время количество погребений только с кольчугой приблизительно одинаковое – 44% и 49% соответственно. А вот захоронений только со шлемом среди погребений со статусными предметами всего 3%, с обычным же инвентарем – 15%.

В выделенных нами группах (по местоположению доспеха) процентное соотношение погребений с обычным инвентарем, со статусными предметами и богатым инвентарем выглядит следующим образом.

Группа “доспех надет”. Из 62 комплексов информация об инвентаре имеется по 61 (13 погребений ограблены или разрушены). С обычным инвентарем – 34 (55,7%) захоронений, со статусными предметами – 24 (39,3%), богатых – 3 (5%) (Дмитриевская-1, 1/2, Южный 2/1, Дубовики).

Группа “иное расположение доспеха”. Из 42 комплексов 9 ограблены или разрушены. С обычным инвентарем – 25 (59,5%), со статусными предметами – 10 (23,8%), богатых – 7 (16,7%) (Чингул, Таганча, Каирка, Олень-Колодезь, Ботиево, Родионовка 3/1, Шумаевский). Следует обратить внимание на практическое совпадение процентных показателей погребений с обычным инвентарем в обеих группах и на то, что в группе с иным местоположением доспеха захоронений с богатым инвентарем в 3,3 раза больше, чем в группе “доспех надет” (даже несмотря на то, что к этой группе отнесен комплекс Дубовики – одна кольчуга надета, вторая – в ногах, шлем – на перекрытии). В то же время нельзя не отметить большое количество погребений с обычным инвентарем в группе с ненадетым доспехом (табл.2).

Табл.2. Процентное соотношение погребений с надетым и ненадетым доспехом и захоронений с разным набором инвентаря

Доспех / Инвентарь	Надет (%)	Не надет (%)
Богатый	30	70
Со статусными предметами	71	29
Обычный	58	42

Хронология и картографирование погребений

Из 160 комплексов 123 датируются золотоордынским временем, 36 погребений датируются широко (XII-XIV вв., XII-XIII вв., XIII в.), 1 – домонгольским временем. Таким образом, восточноевропейские позднекочевнические погребения с защитным доспехом в эпоху Золотой Орды составляют приблизительно (на данный момент нам известно всего около 1150 комплексов) 10,7%. Погребений с кольчугами этого времени – 107 (9,3%), со шлемами – 75 (6,5%).

Из 104 погребений основного источника, где зафиксировано местоположение оборонительного вооружения, подавляющее большинство (80,8%) также датируется золотоордынским временем. Широко датируются 19 захоронений (6² – XII-XIV вв., 2 – XII-XIII вв., 11 – XIII в.). Лишь один комплекс (Большая Белозерка-I, 1/2) относится к домонгольскому времени – нач. XIII в.

Картографирование позднекочевнических погребений с защитным вооружением демонстрирует распространение этих памятников практически по всей восточноевропейской степи и в отдельных регионах лесостепи (рис. 1). На западе они достигают Венгрии (Ченгеле, Чойош), на востоке – Южного Урала (Шумаевский), на севере – бассейна Клязьмы (Юрьев-Польской), на юге – Нижнего Подунавья, степных районов Крыма и Северо-Западного Предкавказья. При этом следует отметить, что в Поволжье захоронения с доспехом почти отсутствуют: нам известно лишь 1 погребение в Нижнем Поволжье (Бахтияровка) и 1 – в Среднем (Квасниковка). В то же время на карте заметны три концентрации памятников: в Поросье – 25, в Нижнем Поднепровье (Левобережье) – 29 и на Северо-Западном Предкавказье (бассейн Кубани и Бейсуга) – 33.

Эта же картина, в принципе, сохраняется на картах распространения погребений основного источника (с указанием местоположения доспеха). В группе “доспех надет” большинство (20) памятников зафиксировано на Северо-Западном Предкавказье, 11 – в Нижнем Поднепровье, 7 – в Поросье (рис. 4). Среди захоронений с “иным” местоположением кольчуг и шлемов 11 памятников находятся на Северо-Западном Предкавказье, 6 – в Поросье, 5 – в Нижнем Поднепровье (рис. 5).

Эти концентрации памятников, на наш взгляд, объясняются следующим образом. Значительная часть (11 – 44%) погребений в Поросье датируется широко в пределах XII-XIV вв. (10 – XII-XIII вв., 1 – XII-XIV вв.), поэтому нельзя исключить возмож-

ность, что какие-то из них домонгольского времени. На территории Поросья, как известно, проживали полуоседлые Черные клобуки, тесно связанные с Древней Русью. И хотя мы не располагаем доказательствами использования Черными клобуками интересующего нас обряда, нельзя не отметить мнение С.А.Плетневой и А.Н.Кирпичникова о том, что в Поросье погребения с доспехами домонгольского времени могут быть следствием постоянного притока высококачественного оружия из древнерусских мастерских (Плетнева С.А., 2003, с.147; Кирпичников А.Н., 1971, с.7-15). С.А.Плетнева не исключала также, что какие-то оружейники постоянно проживали на территории Поросья и изготавливали доспехи (и другие виды оружия) на заказ для кочевников (Плетнева С.А., 2003, с.147). Кочевнические погребения золотоордынского времени с этой территории, по-видимому, следует связывать с улусной системой Джучидского государства. Как известно, кочевая аристократия, получавшая за военную службу удел-улус, содержала многочисленные отряды тяжеловооруженных профессиональных воинов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.46; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2000, с.86). Какая-то часть погребений, возможно, является “результатом” военных столкновений с Великим княжеством Литовским. А после того, как около 1362 г Киевское княжество попало под власть Литвы, здесь продолжали хоронить “служилых татар” – кочевых феодалов, служивших за лены уже литовскому князю, на что есть прямые указания в актах Великого княжества Литовского (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.228).

Большое количество захоронений с доспехом в Нижнем Поднепровье мы объясняем той же улусной системой. Этот регион еще в половецкое время был достаточно плотно заселен кочевниками из-за обильных пастбищ. И в золотоордынский период (а 86% погребений датируются 2-й пол. XIII – XIV в.) эти земли были достаточно привлекательны для кочевой военно-служилой знати.

И, наконец, самая большая концентрация позднекочевнических погребений с защитным доспехом в степной зоне Северо-Западного Предкавказья. Здесь также расположены прекрасные пастбищные угодья. А погребения с доспехом практически все датируются золотоордынским временем и, по-видимому, также связаны с улусной системой.

Требуется объяснения и упоминавшееся выше почти полное отсутствие погребений с защитным вооружением в Поволжье. Ведь в золотоордынское время здесь были построены города, в которых работало большое количество ремесленников. Через

² При датировке комплекса Бубнов Ерик-IV, п.1 авторы разошлись во мнениях: Т.М.Потемкина относит погребение к домонгольскому времени, а Ю.А.Кулешов – к золотоордынскому, поэтому комплекс учтен среди широкодатируемых захоронений.

этот регион проходили торговые пути. Воины ханского домена, естественно, не испытывали недостатка в самом лучшем вооружении. Возможно, это явление как-то связано с религиозной практикой (исламом). Вероятно, на территории ханского домена военной элитой более строго соблюдались определенные правила мусульманского погребального обряда. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова (1973, с.103), именно в Поволжье, непосредственной области хозяйничания и управления хана, ислам наиболее глубоко проникает в среду кочевников. А вот другие регионы степи даже в XIV в. были еще очень поверхностно затронуты мусульманством. В связи с этим в качестве рабочей версии можно предположить, что умерших нукеров и нойонов, служивших при хане, родственники, желавшие похоронить их по языческому обряду, погребали в их ленных владениях, т.е. за пределами ханского домена.

Этнокультурная атрибуция

Анализ исследуемых нами источников показал, что местоположение кольчуг и шлемов в позднекочевнических погребениях не может служить этномаркирующим признаком. Напомним, что два северокавказских исследователя считают иначе: шлемы в позднекочевнических захоронениях надеются на голову погребенного (Зеленский Ю.В., 1998, с.33) и “как в половецких, так и в монгольских погребениях шлемы располагаются либо на голове погребенного, либо рядом с ней” (Схатум Р.Б., 2003, с.227).

По нашим данным, 46% шлемов зафиксированы “на голове”, 34% – в районе головы, что в сумме составляет 80%. Налицо тенденция, но и только. Достаточно большое количество шлемов (14%) обнаружено в районе ног. По мнению Р.Б.Схатума, которое он высказывал неоднократно (Схатум Р.Б., Дымченко В.М., 2003, с.33; Схатум Р.Б., 2003, с.227; 2005, с.338), такое расположение боевого наголовья (в ногах) является одним из характерных признаков адыгских погребений. Однако, на чем базируется это утверждение, не понятно. Мы уже указывали выше, что география распространения позднекочевнических захоронений с этим элементом обряда достаточно широка, и связывать их с адыгами, на наш взгляд, нет никаких оснований.

То же самое можно сказать и о кольчугах. Например, кольчуга, сложенная вчетверо, обнаружена в п.15 Келийского могильника в горной Ингушетии, который датируется монетой Менгу-каана (Нарожный Е.И., 2005, с.101). Если же следовать логике Ю.В.Зеленского и Р.Б.Схатума, то, например, половецкий хан из Чингульского кургана таковым не является (шлем с кольчугой – в ногах), он – адыг!?

Этнокультурную специфику исследуемых нами погребений отчасти может прояснить ориентировка умерших. Общеизвестным и признанным на данный момент является соотношение ориентировок в северном (иногда и в южном) секторе с монголами или центральноазиатскими кочевыми племенами, пришедшими вместе с монголами. Ориентировка погребенных в восточном секторе традиционно считается половецкой. Что же касается ориентировки в западном направлении, то здесь более сложная ситуация. С одной стороны, она связывается с печенегами, а с другой, – с исламизацией номадов в золотоордынское время. Следует также отметить мнение С.А.Плетневой о том, что у части половцев при смешении с печенегами и торками восточная ориентировка сменилась на западную (Плетнева С.А., 1990, с.39).

Что же касается этнокультурной привязки погребального инвентаря, то здесь можно, на наш взгляд, уверенно назвать лишь распрямленные гривны, которые ряд исследователей соотносит исключительно с половцами (Шалобудов В.Н., 1990, с.118; Плетнева С.А., 2003, с.164). Кроме этого, надежным показателем половецкой этнической принадлежности погребенного, по мнению М.В.Горелика, являются и дисковидные бляхи классического воинского снаряжения (Горелик М.В., 2008, с.142, рис.5Б). Однако, к сожалению, эти предметы (бляхи) в погребениях номадов встречаются крайне редко.

Как мы уже упоминали выше, в группе захоронений с “надетым” доспехом преобладает ориентировка в восточном секторе (29 – 50%). Распрямленная гривна в этой группе зафиксирована в 14 погребениях, из них 7 имеют восточную ориентировку, 7 – западную. Таким образом, как половецкие, по видимому, можно интерпретировать 36 (63,2%) захоронений. Несколько погребений с западной ориентировкой возможно связать с печенежским погребальным обрядом, который оказался неизменным в некоторых районах даже в раннезолотоордынское время (Поросье – 4; Вост.Маньч 19/1). С меридиональной ориентировкой в этой группе, как отмечалось выше, зафиксировано всего 3 комплекса. Таким образом, даже при упрощенной процедуре выделения этнодиагностирующих признаков заметна связь указанного обряда с кочевническим населением восточноевропейских степей, обитавшим здесь до татаро-монгольского нашествия.

В группе с иным местоположением доспеха картина более сложная. С половцами, скорее всего, можно связать только 9 (21,4%) погребений (5 с восточной ориентировкой и 4 с распрямленной гривной). В северном секторе ориентированы 10 погребенных, половина (21 – 50%) воинов имеют западную ориентировку. Из них 4 с распрямленной

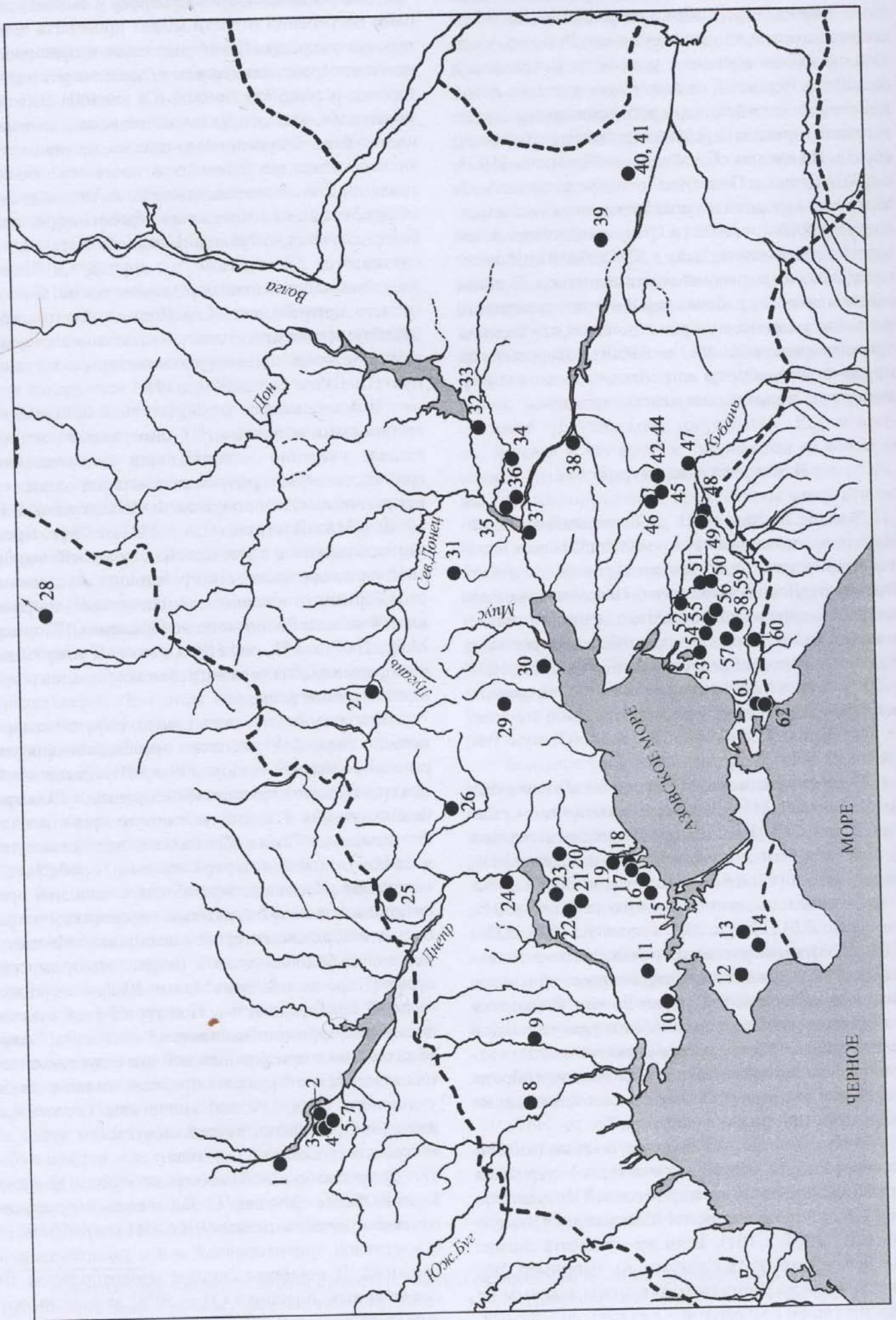

Рис. 4. Позднекочевнические погребения с надетым на умершего доспехом: 1 – Вышгород; 2 – Ковали к.53; 3 – Бурты к.261; 4 – Липовец к.1; 5 – Лучки к.2; 6 – Лучки к.3; 7 – Лучки к.4; 8 – Таборовка-III, 1/5; 9 – Отрадный 25/3; 10 – Широкое-II, 59/1; 11 – 13 км Чаплинского водоканала 3/1; 12 – Солдатово 5/2; 13 – Григорьевка 10/2; 14 – Журавлевка 3/1; 15 – Сивашское 5/3; 16 – Велетневка 1/7; 17 – Волчанск-I, 5/1; 18 – Малая Терновка 2/4; 19 – Новониколаевка 6/1; 20 – Тимашевка-III, 9/5; 21 – Чеховка 3/4; 22 – Демидовка 2/2; 23 – Большая Белозерка-I, 1/2; 24 – Томаковка 25/2; 25 – Поливановка-XXII, 2/2; 26 – Дубовики-I, 1/3; 27 – Затихное-I, 1/18; 28 – Юрьева гора; 29 – Курахово 1/1; 30 – Самойлово 2/2; 31 – Астахово-IV, 17/5; 32 – Центральный-IV, 3/1; 33 – Центральный-IV, 10/1; 34 – Кировский-V, 1/1; 35 – Ажинов-I, 1/3; 36 – Балабин-I, 12/7; 37 – Тузлуки 9/14; 38 – Маяк-II, 3/1; 39 – Лола-II, 8/3 (Энчин-Толга); 40 – Вост.Маныч-II, 68/1; 41 – Вост.Маныч 19/1; 42 – Дмитриевская-I, 4/2; 43 – Дмитриевская-I, 4/1; 44 – Дмитриевская-I, 1/2; 45 – Южный 2/1; 46 – “Кривуша” 1/1; 47 – Темижбекская (“229 га”) 2/1; 48 – ст. Ладожская к.22; 49 – Бураковский к.3; 50 – Пролетарский; 51 – Новокорсунская 3/1; 52 – к-з “Победа” 66/1; 53 – Лебеди-VI, 1/8; 54 – Греки-III, 1/6; 55 – Северный 1/1; 56 – “Овальный”/13; 57 – Старонизхестеблиевская-I, 4/3; 58 – к-з им.Ленина 2/7; 59 – к-з им.Ленина 12/3; 60 – Праздничный; 61 – Масхаги 3/1; 62 – Анапа, к.5.

Fig. 4. Late nomadic burials with the deceased dressed in armature: 1 – Vyshgorod; 2 – Kovali barrow 53; 3 – Burty barrow 261; 4 – Lipovets barrow 1; 5 – Luchki barrow 2; 6 – Luchki barrow 3; 7 – Luchki barrow 4; 8 – Taborovka-III, 1/5; 9 – Otradnyi 25/3; 10 – Shirokoe-II, 59/1; 11 – the 13th km of Chaplino water canal 3/1; 12 – Soldatovo 5/2; 13 – Grigorievka 10/2; 14 – Zhuravlevka 3/1; 15 – Sivashskoie 5/3; 16 – Veletniovka 1/7; 17 – Volchansk-I, 5/1; 18 – Malaia Ternovka 2/4; 19 – Novonikolaievka 6/1; 20 – Timashevka-III, 9/5; 21 – Chekhovka 3/4; 22 – Demidovka 2/2; 23 – Bolshaia Belozerka-I, 1/2; 24 – Tomakovka 25/2; 25 – Polivanovka-XXII, 2/2; 26 – Duboviki-I, 1/3; 27 – Zatihnoie-I, 1/18; 28 – Yurieva gora; 29 – Kurakhovo 1/1; 30 – Samoiloovo 2/2; 31 – Astakhovo-IV, 17/5; 32 – Tsentralnyi-IV, 3/1; 33 – Tsentralnyi -IV, 10/1; 34 – Kirovskii-V, 1/1; 35 – Azhinov-I, 1/3; 36 – Balabin-I, 12/7; 37 – Tuzluki 9/14; 38 – Maiak-II, 3/1; 39 – Lola-II, 8/3 (Enchin-Tolga); 40 – Vostochnyi Manych-II, 68/1; 41 – Vostochnyi Manych 19/1; 42 – Dmitriyevskaia-I, 4/2; 43 – Dmitriyevskaia-I, 4/1; 44 – Dmitriyevskaia-I, 1/2; 45 – Yuzhnyi 2/1; 46 – “Krivusha” 1/1; 47 – Temizhbebskaia (“229 hectares”) 2/1; 48 – Ladozhskaia stanitsa barrow 22; 49 – Burakovskii barrow 3; 50 – Proletarskii; 51 – Novokorsunskaya 3/1; 52 – “Pobeda” kolkhoz 66/1; 53 – Lebedi-VI, 1/8; 54 – Greki-III, 1/6; 55 – Severnyi 1/1; 56 – “Ovalnyi”/13; 57 – Staronizhestebliyevskaia-I, 4/3; 58 – Lenina kolkhoz 2/7; 59 – Lenina kolkhoz 12/3; 60 – Prazdnichnyi; 61 – Maskhagi 3/1; 62 – Anapa, k.5

гривной мы отнесли к половцам, 4 широко датируются (XII-XIII вв., XII-XIV вв.). Остальные 13 комплексов датируются золотоордынским временем. По-видимому, какую-то часть из них следует связать с исламизацией кочевников (как половцев, так и “монголов”), а какую-то возможно отнести к представителям межэтнического синтеза половецкого и монгольского населения³. В результате этнокультурная оценка группы захоронений с данным типом обряда затруднена, поскольку смешанность признаков в почти половине погребений не позволяет вполне определенно атрибутировать погребальные комплексы с этнической точки зрения.

Одно захоронение золотоордынского времени (Шумаевский-II, 7/5) с восточной ориентировкой из второй группы следует рассмотреть отдельно. Оно получило в литературе неоднозначную этнокуль-

турную трактовку. И.В.Матюшко полагает, что это захоронение знатного тюркского воина (Матюшко И.В., 2008, с.147), что подтверждают тип погребального сооружения, наличие 2 коней (3 тип, по А.Г.Атавину), яркий кочевнический погребальный инвентарь и ориентировка (?) умершего. А вот по мнению В.П.Костюкова, ряд признаков (бальзамирование, обмотка головы и туловища полосами шелковой ткани, оснащение костюма металлическими предметами) свидетельствует о принадлежности захоронения к элитному киданьскому (Костюков В.П., 2006, с.446; 2009, с.224-225). Кидани (каракииты), как известно, исповедовали буддизм, хотя при этом приносили жертвы небу, земле и предкам (Каракииты, 1965, ст.14). И в этом погребении исследователь выделяет два признака, в качестве диагностирующих буддийское влияние. Это использование рту-

³ В последнее время традиционное мнение о небольшом (4000) количестве собственно монголов в составе Золотой Орды подверглось обоснованной критике. Р.П.Храпачевский провел источниковедческий анализ достоверности сведений Рашид ад-Дина по данному вопросу. Исследователь убедительно доказал, что общее количество монголов, входивших в улус Джучи, во много раз превышало пресловутые 4000 и составляло около 70 тыс. человек (Храпачевский Р.П., 2008, с.87). Автор полагает, что соотношение монголов к немонголам в составе кочевого населения Золотой Орды при Бату можно оценить как 1:2 (Храпачевский Р.П., 2008, с.88).

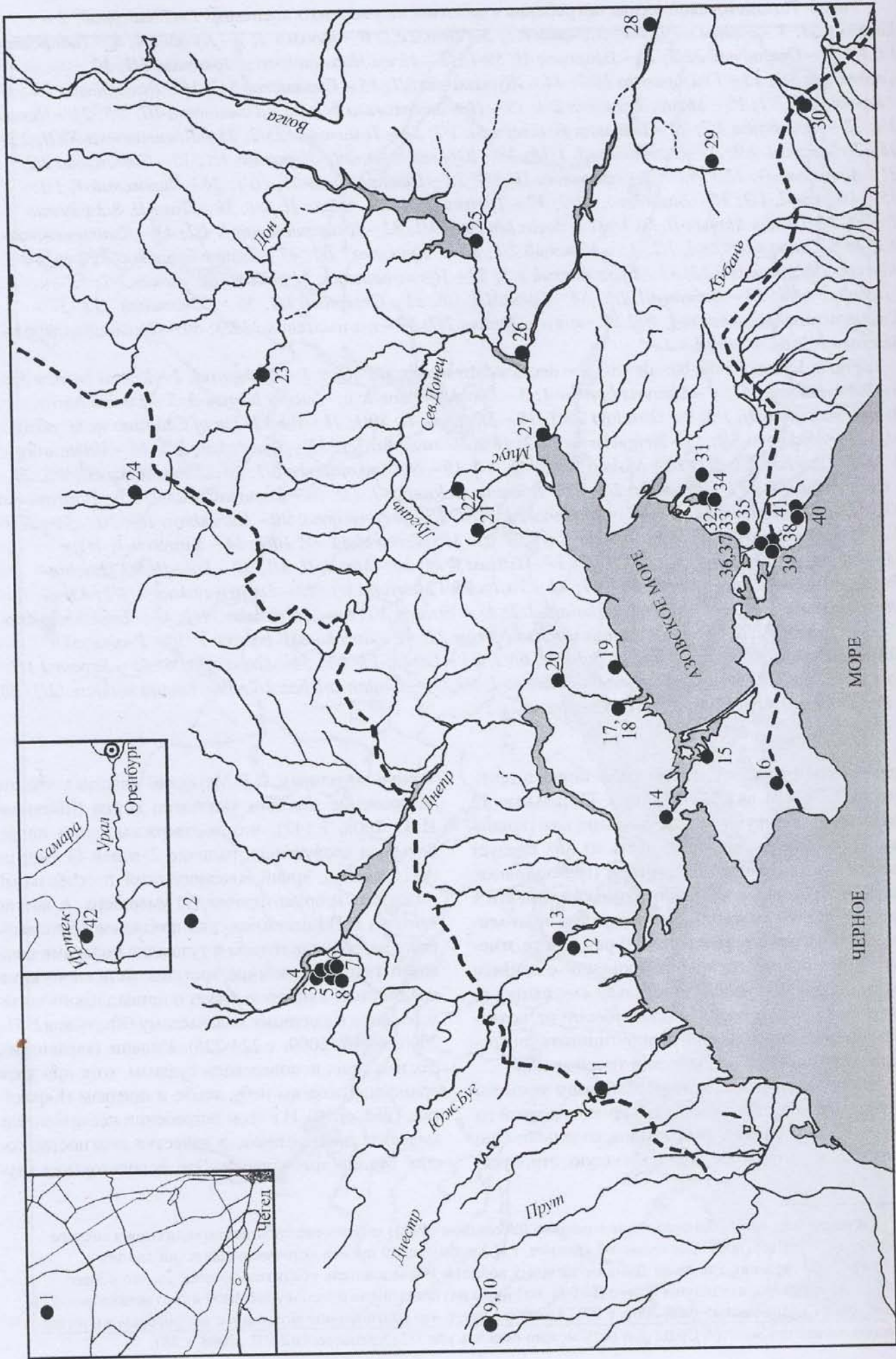

Рис. 5. Позднекочевнические погребения с расположением доспеха в разных местах могилы: 1 – Ченгеле; 2 – Нежин; 3 – Цозоровка 250/1; 4 – Россавя III/1; 5 – Зеленки к. “Болганы”; 6 – Лучки к.7(2); 7 – Таганча; 8 – Пешки к.323; 9 – Межерички к.1; 10 – Межерички к.2; 11 – Плоское 50.98/228; 12 – Ковалевка-IV, 6/1; 13 – Новая Одесса-IV, 3/3; 14 – Каурка 3/1; 15 – Столбовое 1/3; 16 – с-з “Красный” к.6; 17 – Родионовка 2/1; 18 – Родионовка 3/1; 19 – Ботиево 4/1; 20 – Чингул; 21 – Макеевка (р.Грузская); 22 – Никифорово; 23 – Высокая Гора 2/1; 24 – Олень-Колодезь 7/1; 25 – Вербовый Лог-VIII, 5/1; 26 – Верхне-Янченков 11/10; 27 – Бубнов Ерик-IV, п.1; 28 – Вост. Маныч-I, 21/1; 29 – Калиновское 10/1; 30 – Новопавловск п.15; 31 – Малаи 3/1; 32 – Коллекторский 1/1; 33 – Коллекторский 2/14; 34 – Пилипенковская-I, 1/2; 35 – Курчанская; 36 – Масхаги 2/3; 37 – Масхаги 2/1; 38 – ст.Раевская; 39 – Анапа к.3; 40 – у Раевского городища 1/2; 41 – Ахтырский лиман-I, п.33; 42 – Шумаевский-II, 7/5.

Fig. 5. Late nomadic burials with armour placed in different parts of grave: 1 – Chengele; 2 – Nezhin; 3 – Tsozorovka 250/1; 4 – Rossava III/1; 5 – Zelenki “Bolgany” barrow; 6 – Luchki barrow 7 (2); 7 – Tagancha; 8 – Peshki barrow 323; 9 – Mezherichki barrow 1; 10 – Mezherichki barrow 2; 11 – Ploskoe 50.98/228; 12 – Kovaliovka-IV, 6/1; 13 – Novaia Odessa-IV, 3/3; 14 – Kairka 3/1; 15 – Stolbovoie 1/3; 16 – “Krasnyi” sovkhos barrow 6; 17 – Rodionovka 2/1; 18 – Rodionovka 3/1; 19 – Botiyevo 4/1; 20 – Chingul; 21 – Makeievka (Gruzskaiia river); 22 – Nikiforovo; 23 – Vysokaia gora 2/1; 24 – Olen-Kolodez 7/1; 25 – Verbovyi Log-VIII, 5/1; 26 – Verkhne-Yachenkov 11/10; 27 – Bubnov Yerik-IV, n.1; 28 – Vostochnyi Manych-I, 21/1; 29 – Kalinovskoe 10/1; 30 – Novopavlovsk burial 15; 31 – Malai 3/1; 32 – Kollektorskii 1/1; 33 – Kollektorskii 2/14; 34 – Pilipenkovskaia-I, 1/2; 35 – Kurchanskaia; 36 – Maskhagi 2/3; 37 – Maskhagi 2/1; 38 – Raievskaiia stanitsa; 39 – Anapa barrow 3; 40 – near Raievskii hillfort 1/2; 41 – Akhtyrskii liman-I, burial 33; 42 – Shumaievskii-II, 7/5

ти для бальзамирования тела и присутствие во рту бронзовой пластины (Костюков В.П., 2009, с.225). Такая смешанность обрядовых признаков не позволяет интерпретировать данное погребение как половецкое (кыпчакское). Более того, возникает вопрос в правомерности традиционной трактовки позднекочевнических погребений с восточной ориентировкой исключительно как половецких. Медиевисты отмечают, что давно назрела необходимость вернуться “к полновесным исследованиям этнокультурного состава золотоордынских кочевников, которые ныне фактически прекращены вследствие мнимо окончательного решения проблемы” (Костюков В.П., 2006, с.447). И следует это, по-видимому, сделать, в первую очередь, для погребений с восточной ориентировкой. После издания работ Г.А.Федорова-Давыдова и С.А.Плетневой прошло несколько десятилетий, количество археологических источников значительно увеличилось, а их этнокультурная интерпретация, как правило, по-прежнему на уровне 60-70 гг XX в. Пример с шумаевским погребением демонстрирует наличие серьезной проблемы в золотоордынской археологии, связанной с отсутствием специальных разработок археологических признаков захоронений найманов, киданей, керитов, меркитов, уйгуров и многих других центральноазиатских этносов, племена которых были вовлечены в орбиту улуса Джучи.

Социальная атрибуция

Позднекочевнические погребения с оборонительными доспехами исследователи традиционно

относят к наиболее богатой, элитарной части воинских захоронений. Обычно их интерпретируют как погребения тяжеловооруженных всадников. Мы ни в коей мере не отрицаем эти устоявшиеся истины, поскольку действительно дорогостоящее защитное вооружение могли приобрести только зажиточные люди. Об этом говорится и в письменных источниках, например, Плано Карпини сообщает, что “шлемы и латы” имеют богатые кочевники (Путешествия..., 1957, с.50).

Однако анализ погребального инвентаря исследуемых захоронений (см. выше) выявил значительную неоднородность его состава, что дало нам основание разбить погребения с зафиксированным местоположением доспеха на 3 группы: “с обычным инвентарем”, “со статусными предметами”, “с богатым инвентарем”. Мы далеки от того, чтобы непосредственно переносить полученные результаты на социальную структуру военных подразделений номадов, но в то же время нельзя их и игнорировать. Мы прекрасно отдаем себе отчет, что речь идет о неравенстве в погребальном инвентаре, которое не всегда напрямую связано с прижизненным статусом погребенного (Каменецкий И.С., 1999, с.140). Ведь среди предметов, обнаруживаемых в захоронениях, могут находиться не только личные и собственные вещи погребенного, но и предметы-дары умершему от родных и близких, дары, адресованные богам, душам предков и ранее умершим. Иллюстрацией к последнему может служить сообщение Жана де Жуанвиля о похоронах “знатного [куманского] рыцаря”: “Великий король куманов передал ему (погребаемому заживо со своим умершим господином слуге – Т.П., Ю.К.) посла-

ния, обращенные к их первому королю, ...и просил короля вознаградить воина за его службу” (цит. по: Юрченко А.Г., 2008, с.302).

Таким образом, логично предположить, что надетые на умершего вещи принадлежали лично ему, а среди предметов, положенных в разных местах могилы, могли быть вышеуказанные дары⁴.

Исходя из этого посыла, большинство погребений с “надетым” доспехом должно принадлежать знати и воинам среднего ранга. В действительности же, как указывалось выше, 55,7% умерших из этой группы были снабжены обычным инвентарем, 39,3% – статусными предметами, и лишь 5% можно отнести к богатым. В группе с иным местоположением доспеха картина другая: погребений со статусными предметами 23,8%, с богатым инвентарем – 16,7%, с обычным инвентарем – 59,5%. Как видим, полученные результаты противоречат высказанному выше предположению.

Необходимо прокомментировать и процентное соотношение комплексов с различным набором инвентаря и обеих групп с надетым и иным местоположением доспеха (табл.2). Данные демонстрируют, что всего лишь в 30% погребений с богатым инвентарем защитное вооружение было надето на умершего. Это можно объяснить, по-видимому, “представлениями о репрезентативности, о том, как должен выглядеть достойный представитель, “служащий” империи (Чингизидов – Т.П., Ю.К.) вне зависимости от этнической принадлежности, но в точном соответствии со своим социальным статусом в державе” (Васильев Д.Д. и др., 1993, с.40). В данном случае имеется в виду, что умершего представителя золотоордынской знати (а все погребения с богатым инвентарем и ненадетым доспехом датируются золотоордынским временем: 1 – 2-й пол. XIII в., 1 – 2-й пол. XIII-XIV в., 1 – кон. XIII – 1 третью XIV в., 4 – сер. – 2-й пол. XIV в.) облачали не в доспехи, а в роскошный костюм из дорогостоящего шелка или парчи. Интересная деталь: 2 из 7 погребенных, скорее всего, половецкого происхождения (в комплексах Таганча и Чингул – распрямленная гривна). Все три погребения с богатым инвентарем и надетым доспехом также половецкие (во всех – распрямленные гривны, в двух – восточная ориентировка). Необычная ситуация в комплексе Дубовики: погребенный ориентирован в западном секторе, с распрямленной гривной и двумя кольчугами – одна надета, другая в ногах. Налицо смешанность признаков, характерная для “переходного” раннезо-

лотоордынского периода. Несколько неожиданным представляется то, что из 10 погребений высшей знати 5 связываются с домонгольским (половецким) населением. Но, во-первых, письменные источники, как известно, утверждают тайный характер погребений “старших офицеров” монголов, то есть бескурганный. Во-вторых, в литературе уже не раз отмечалось, что сообщения о полном уничтожении половецкой аристократической верхушки явно преувеличены, поскольку этому противоречат как письменные, так и археологические источники (Отрошенко В.В., Рассемакин Ю.Я., 1988, с.40; Блохин В.Г. и др., 2003, с.198; Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.94; Потемкина Т.М., 2007, с.220; Горелик М.В., 2008, с.144). Более того, по мнению В.В.Отрошенко, часть половцев после военных действий вернулась в южнорусские степи, при этом возвращались не отдельные “мигранты”, а целые коллективы с собственной социальной структурой. Поскольку они принципиально решали проблему восстановления людских ресурсов, то могли требовать конкретную территорию для расселения и определенные привилегии в обмен на лояльность к монгольской администрации (Отрошенко В., 2004, с.26).

Положение в погребениях со статусными предметами более понятно: у 71% умерших доспех был надет, у 29% располагался в разных местах погребального сооружения. По-видимому, процесс насаждения “сверху” имперской культуры среди представителей воинского среднего звена протекал не так быстро, как у высшей воинской знати.

Неоднозначная ситуация в погребениях с обычным инвентарем: всего у 58% умерших доспех был надет, а у 42% защитное вооружение устроители обряда положили в определенных местах могилы. Здесь явно требуется другое объяснение, не связанное с необходимостью демонстрации происхождения погребенных воинов. Эту группу захоронений следует рассмотреть более подробно, чтобы понять причину данного положения.

В нее входят 25 погребений. Почти половина из них (11 – 44%) происходит с Северо-Западного Предкавказья, как и в группе с надетым доспехом (14 – 40%). Остальные разбросаны по степи от Венгрии до Калмыкии. Небольшое сосредоточение (4 погребения) наблюдается в Поросье. К золотоордынскому времени относятся 18 (72%) захоронений. Остальные датируются широко: 2 – XII-XIV вв., 2 – XII-XIII вв., 3 – XIII в. Ориентировка⁵ в этой

⁴ Интересное, на наш взгляд, объяснение положенной в головах свернутой валиком одежды дает Рикольдо де Монте Кроче: “Если кто придет и возжелает украсть прикрытое тобой, не позволяй, но дай ему то, что у тебя под головой” (цит. по: Юрченко А.Г., 2008, с.301).

⁵ В 3 погребениях ориентировка не известна. В группе с обычным инвентарем и надетым доспехом ориентировка погребенных отличается: восточный сектор – 17 (53,1%), западный сектор – 13 (40,6%), С-Ю – 2 (6,3%).

группе следующая: западный сектор – 14 (63,6%), северный – 4 (18,2%), восточный – 4 (18,2%). 76% погребенных сопровождал конь. Полный комплект доспехов обнаружен в 36% погребений, что практически столько же, как и в такой же группе с надетым доспехом (37%). В то же время у 20% этой группы захоронений защитное вооружение представлено только шлемом (в аналогичной группе с надетым

доспехом наличие шлема без кольчуги зафиксировано лишь в 4 – 11% – захоронениях). А вот количество погребений только с кольчугой разное: 44% – в группе с иным местоположением доспеха, 51% – в группе “доспех надет”. Как видим, серьезная разница в обеих группах с обычным инвентарем наблюдается только в ориентировке погребенных и в наличии серебряной чаши/плошки⁶ (табл.3).

Табл. 3. Сравнительная характеристика погребений с обычным инвентарем по отдельным признакам погребального обряда и некоторым категориям инвентаря

Признаки	Ориентировка			Конь	Инвентарь					
	В	З	С-Ю		Кольчуга +шлем	Кольчуга	Шлем	Сабля	Серебр. чаша/плошка	
Место-положение доспеха										
Надет	17 53,1%	13 40,6%	2 6,3%	24 69%	13 37%	18 51%	4 11%	28 82%	0	
Не надет	4 18,2%	14 63,6%	4 18,2%	18 76%	9 36%	11 44%	5 20%	19 76%	7 28%	

Объяснение, на наш взгляд, необходимо искать в следующем. Погребения с обычным инвентарем и уложенным в определенных местах могилы доспехом могли принадлежать административно-чиновным слоям невысокого ранга золотоордынского общества. А наличие оборонительного вооружения в этих захоронениях означало, что умерший был также и воином⁷. Интересно в этом плане изображение паньгуаня – китайского божества, ведавшего судьбами людей. Он изображался в халате и кольчуге. Это сочетание, кроме признака военного чиновника, означало полное совершенство паньгуаня как в гражданских, так и в военных делах, его всестороннее могущество (Мифологический словарь, 1991, с.426).

Заключение

По известному определению В.С.Ольховского, погребальный обряд – это совокупность стереотипно-символических действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего (Ольховский В.С., 1993, с. 85).

Организация могильного пространства, размещение погребального инвентаря также естественно регламентировались системой правил, призванной выражать определенные идеи языком визуальных образов. Однако следует отметить, что на практике нередко имели место отклонения от погребального канона, предписаний процессуального уровня иде-

⁶ Имеется в виду металлическое посудовидное изделие (см.: Потемкина Т.М., 2007, с.119-146). Об интересной связи “сосуд – кольчуга” упоминает В.И.Семенова: “В одной из сказок (ханты-манси – Т.П., Ю.К.) герой получает от матери обломок миски, который он должен разломить, если попадет в беду. Неизвестно, из какого материала была сделана эта миска, но при ее использовании в предписанном случае она превращается в кольчугу” (Семенова В.И., 2006, с.125). Представляется необходимым уточнить высказанную ранее мысль о том, что плошки никакого отношения не имеют к котлам и к их функциям в погребальном обряде средневековых номадов (Потемкина Т.М., 2007, с.133). Если предположить, что посудовидные металлические изделия являлись упрощенной (зачастую грубой) уменьшенной “моделью” котла, изготовленной специально для погребального обряда, то они, помимо медиативной роли, по-видимому, так же, как и котел, выступали в качестве оберега, вместилища, средства перемещения и оживления и, кроме этого, указывали на вход в нижний мир (о функциях котла см.: Семенова В.И., 2006, с.126). Но в отличие от котла плошка не была атрибутом, подчеркивающим высокий социальный статус умершего.

⁷ В единичных случаях в качестве рабочей версии можно предположить, что положенный в погребение доспех являлся посмертным даром феодала дружиннику, скажем, например, за проявление героизма (фактор индивидуальности, по В.С.Ольховскому, 1986, с.74).

ологической сферы обряда, то есть форма обряда далеко не всегда точно соответствовала содержанию (Ольховский В.С., 1993, с.86).

На погребальную обрядность, как известно, воздействовал ряд субъективных и объективных факторов: экономический, экологический, этно-традиционный, физиологический, социальный, религиозно-мифологический фон и др. (Ольховский В.С., 1986, с.73-75). Обычно определяющая роль среди них отводится социальному фактору. Это неудивительно, поскольку результат воздействия этого фактора, как правило, ярко отражается в погребальном комплексе и, прежде всего, в характере сопроводительного инвентаря.

Как известно, в любом достаточно развитом обществе широко распространены вещи, назначение которых состоит в демонстрации общественного статуса их обладателей, принадлежности этих людей к числу носителей определенной социальной функции. Эти вещи-знаки моделируют не только строение природного космоса, но и в меньшей мере ориентированы на моделирование социального космоса (Антонова Е.В., Раевский Д.С., 2002, с.22).

В ходе анализа представленной выборки восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом была получена следующая картина. Захоронения с металлическим оборонительным вооружением появились в Степи в половецкое время. В огузо-печенежский период таковые отсутствовали. В качестве рабочей версии можно предположить, что традиция помещения доспехов в погребение у половцев возникла в результате контактов с соседями, например, с касогами, у которых она прослеживается уже в 1-й пол. XII в. (Андреевская щель, п.5). У половцев в кон. XI – 1-й пол. XII в. такой обряд пока не зафиксирован. Принадлежали данные погребения, естественно, исключительно мужчинам, которых облачали в кольчугу и шлем. Вне сомнения, эти вещи-знаки демонстрировали, с одной стороны, высокий имущественный и социальный статус умершего, а с другой стороны, они подчеркивали, что погребенный был, прежде всего, воином.

С приходом татаро-монгол и возникновением Джучидского государства мировоззренческие установки кочевников восточноевропейской степи подверглись трансформации. Преобразования, осуществлявшиеся Чингизидами, коснулись всех сторон жизни кочевников, в том числе и идеологической сферы. В условиях разрушения старых “государственных” и племенных структур произошел сдвиг в религиозном сознании населения Степи. После завоевания и рассеяния кочевников между улусами новых правителей прежние племенные

культы утратили священность, а их мифология потеряла почву (Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2000, с.76-77). Создавалась новая иерархическая лестница, и оставшаяся в живых половецкая знать с подчиненными ей кочевыми племенами была вынуждена не только “принимать складывавшиеся формы бытия и изменений, но и всячески стремиться к вершинам новой власти” (Нарожный Е.И., 2005, с.182).

Все это естественно отразилось и на канонах погребального обряда, который в сложившихся условиях, в первую очередь, стал подчеркивать социальный статус и конфессиональную принадлежность умерших, при этом этнокультурная специфика должна была уходить на второй план (Нарожный Е.И., 2005, с.184).

Наши материалы подтверждают вышесказанное. Так, среди погребений с богатым инвентарем только у 30% умерших доспех был надет. Захоронения представителей среднего звена воинской служилой знати (среди сопроводительного инвентаря присутствовали статусные предметы) демонстрируют большую консервативность: у 68% умерших в золотоордынское время доспех по-прежнему надет. А вот в группе погребений с обычным инвентарем, на первый взгляд, ситуация нестандартная: у значительного количества (38%) умерших защитное вооружение во 2-й пол. XIII – XIV в. было положено в определенных местах могилы. Объясняется это тем, что большая часть данных погребений принадлежала золотоордынским военным чиновникам невысокого ранга. Таким образом, анализ источника показывает, что на всем протяжении существования Золотой Орды бытуют оба варианта обряда.

Следует отметить еще один интересный момент. По нашим наблюдениям, в XIII-XIV вв. традиция укладки в могилу защитного вооружения (ненадетый доспех) есть только в Орде, точнее, только в ее западной части (от Венгрии до Поволжья). Исключением являются адыгские погребения Закубанья (около 20) и погребения высокогорья Чечено-Ингушетии (около 40). Как известно, адыги на разных этапах своей истории находились в сфере влияния Орды. Так же достаточно интересны погребения Чечено-Ингушетии: они демонстрируют абсолютно одинаковый с золотоордынским комплекс вооружения. Самым восточным с подобным обрядом на данный момент является захоронение Шумаевский-II, 7/5 (Южный Урал).

Таким образом, можно констатировать, что причины трансформации обряда с защитным вооружением связаны с изменением этнокультурной ситуации и мировоззренческих установок кочевников восточноевропейской степи в золотоордынское время.

Приложение

№	Комплекс	Дата	Доспех
1	2	3	4
1	Нежин	XIII	К*
2	Вышгород	XIII	К
3	Трилеса	2-я пол.XIII – XIV	Ш**
4	Лаврики	2-я пол.XIII – XIV	Ш
5	Городище	2-я пол.XIII – XIV	Ш
6	Пархомовка	XII-XIII	КШ
7	Антоновка	XII-XIII	К
8	Пышки	2-я пол.XIII – XIV	К
9	Мировка	2-я пол.XIII – XIV	КШ
10	Цозоровка 250/1	XII-XIII	К
11	Ковали (Берестняги) к. 53	сер.XIV	КШ
12	Бабичи	XIII	Ш
13	Бурты к.261	2-я пол.XIII – XIV	КШ
14	Россава III/1	2-я пол.XIII – XIV	К
15	Липовец к.1	2-я пол.XIII – XIV	КШ
16	Таганча	2-я пол.XIII – XIV	КШ
17	Беркозовка к.384	XII-XIII	К
18	Пешки к.323	2-я пол.XIII – XIV	Ш
19	Пальчик	XII-XIII	К
20	Зеленки к. “Болганы”	2-я пол.XIII – XIV	КШ
21	Корытище	XII-XIII	К
22	Лучки к.2	XIII	К
23	Лучки к.3	XII-XIV	К
24	Лучки к.4	XIII	КШ
25	Лучки к.7(2)	2-я пол.XIII – XIV	К
26	Лучки к.15	2-я пол.XIII – XIV	КШ
27	Ченгеле	2-я пол.XIII – XIV	КШ
28	Чойош	2-я пол.XIII – XIV	КШ
29	Межерички к.1	2-я пол.XIII – XIV	КШ

* Кольчуга

**Шлем

30	Межерички к.2	2-я пол.XIII – XIV	КШ
31	Фалешты	XII-XIV	К
32	Моску	2-я пол.XIII – XIV	Ш
33	Балабаны 18/2	сер.XIV	К
34	Траповка 1/1	кон.XIII	К
35	Сукля 36.96/40	2-я пол.XIII – XIV	К
36	Сукля 6.96/10	2-я пол.XIII – XIV	К
37	Терновка 254/1	2-я пол.XIII – XIV	К
38	Парканы 2.1898/180	2-я пол.XIII – XIV	К
39	Парканы 3.1898/181	2-я пол.XIII – XIV	К
40	Плоское 50.98/228	кон.XIII – нач.XIV	КШ
41	Таборовка-III, 1/5	2-я пол.XIII – XIV	КШ
42	Ковалевка-IV, 6/1	кон.XIII – XIV	КШ
43	Новая Одесса- IV, 3/3	2-я пол.XIII – XIV	КШ
44	Новошмидтовка, Ананьина могила/9	XII-XIII	К
45	Отрадный 25/3	XII-XIV	К
46	Николаевка-I, 2/1	XIV	Ш
47	Кирово 2/1	2-я пол.XIII – XIV	Ш
48	Слиненко 8/1	2-я пол.XIII – XIV	Ш
49	Любимовка 8/1	2-я пол.XIII	К
50	Софиевка 6/1	2-я пол.XIII – XIV	КШ
51	13 км Чаплинского водоканала 3/1	2-я пол.XIII – XIV	К
52	Широкое-II, 59/1	XIII	К
53	Озерное 1/1	2-я пол.XIV	КШ
54	Каланчак 2/1	2-я пол.XIII – XIV	КШ
55	Каланчак 3/2	2-я пол.XIII	К
56	Березовка 1/1	кон.XII – XIV	КШ

1	2	3	4
57	Солдатово 5/2	2-я пол. XIII – XIV	К
58	с-з “Красный” к.6	XII-XIII	К
59	Журавлевка 3/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
60	Григорьевка 10/2	2-я пол. XIII – XIV	КШ
61	Дальние Камыши 9/1	XIII	К
62	Столбовое 1/3	2-я пол. XIII	КШ
63	Каирка 3/1	2-я пол. XIV	КШ
64	Благовещенка	2-я пол. XIII	К
65	Сивашское 5/3	2-я пол. XIII – XIV	КШ
66	Сивашское 2/1	XII-XIV	К
67	Велетневка 1/7	2-я пол. XIII – XIV	К
68	Воскресенка-II, 1/11	XII-XIV	К
69	Давыдовка 1/11	XIII	К
70	Волчанск-I, 5/1	2-я пол. XIII – XIV	К
71	Малая Терновка 2/4	2-я пол. XIII	К
72	Родионовка 3/1	2-я пол. XIV	К
73	Родионовка 2/1	2-я пол. XIII – XIV	К
74	Новониколаевка 6/1	2-я пол. XIII – XIV	К
75	Демьяновка	2-я пол. XIII – XIV	КШ
76	Чеховка 3/4	2-я пол. XIII	К
77	Демидовка 2/2	2-я пол. XIII – XIV	К
78	Большая Белозерка-I, 1/2	нач. XIII	К
79	Балки (Рясные Могилы) 5/16	2-я пол. XIII – XIV	К
80	Тимашевка-III, 9/5	XIII	К
81	Чинбул	2-я пол. XIII	КШ
82	Ботиево 4/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
83	Приморск (Ногайск)	XIII	КШ
84	Верхне-Тарасовка 82/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
85	Томаковка 25/2	2-я пол. XIII – XIV	Ш
86	Петромихайловка-II, 8/5	2-я пол. XIII – XIV	К

87	Дубовики-I, 1/3	кон. XIII – нач. XIV	2К, Ш
88	Поливановка-XXII, 2/2	2-я пол. XIII – XIV	К
89	Берестовое, “Веселая Могила”/2	XII-XIII	К
90	Степной 2/3	XII-XIV	К
91	Затишное-I, 1/18	XIII	К
92	Ивано-Дарьевка 6/4	2-я пол. XIII – XIV	К
93	Петровка-I, 2/1	2-я пол. XIII – XIV	К
94	Никифорово	2-я пол. XIII	К
95	Макеевка (р. Грузская)	XIV	КШ
96	Курахово 1/1	2-я пол. XIII – XIV	К
97	Куйбышево	сер. – 2-я пол. XIII	КШ
98	Самойлово 2/2	2-я пол. XIII	КШ
99	Хавалы-IV, 2/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
100	Бубнов Ерик-IV, п.1	XII-XIV	К
101	Высочино-V, 10/1	XIII	К
102	Октябрьский 5/1	2-я пол. XIII – XIV	К
103	Тузлуки 9/14	2-я пол. XIII – XIV	К
104	Маяк-II, 3/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
105	Балабин-I, 12/7	XIV	К
106	Верхне-Янченков 11/10	XIII	Ш
107	Астахово-IV, 17/5	2-я пол. XIII	К
108	Ажинов-I, 1/3	2-я пол. XIII – XIV	КШ
109	Кировский-IV, 1/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
110	Центральный-IV, 3/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
111	Центральный-IV, 10/1	2-я пол. XIII – XIV	К
112	Вербовый Лог-VIII, 5/1	2-я пол. XIII – XIV	К
113	Цимлянск-III, 1/2	2-я пол. XIII – XIV	Ш
114	ур. Частое, “Большой курган”	сер. – 2-я пол. XIII	КШ

1	2	3	4
115	Тормосин 2/1	сер. XIV	К
116	Высокая гора 2/1	кон. XIII – 1-я пол. XIV	КШ
117	Олень-Колодезь 7/1	кон. XIII – нач. XIV	КШ
118	Шумаевский-II, 7/5	2-я пол. XIII – XIV	К
119	Юрьева гора	2-я пол. XIII – XIV	К
120	Квасниковка	XIII	Ш
121	Бахтияровка, п.2	сер. XIV	КШ
122	Лола-II, 8/3 (Энчин-Толга)	2-я пол. XIII	К
123	Вост. Маныч 19/1	2-я пол. XIII – XIV	К
124	Вост. Маныч-I, 21/1	XIII	К
125	Вост. Маныч-II, 68/1	XIII	К
126	Новопавловск, п.15	XIV	Ш
127	Калиновское 10/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
128	Темижбекская ("229 га") 2/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
129	Дмитриевская-I, 1/2	2-я пол. XIII – XIV	КШ
130	Дмитриевская-I, 4/1	2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV	КШ
131	Дмитриевская-I, 4/2	2-я пол. XIII – XIV	КШ
132	Южный 2/1	2-я пол. XIII – XIV	К
133	"Кривуша" 1/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
134	Бураковский к.3	XIII	Ш
135	ст. Ладожская к.22	2-я пол. XIII – XIV	Ш
136	Новоберезанская	2-я пол. XIII – XIV	Ш
137	Пролетарский	2-я пол. XIII – нач. XIV	КШ

138	Новокорсунская 3/1	2-я пол. XIII – XIV	К
139	к-з "Победа" 66/1	XIII	КШ
140	Греки-III, 1/6	2-я пол. XIII – нач. XIV	К
141	Коллекторский 1/1	1-я пол. XIV	КШ
142	Коллекторский 2/14	рубеж XIII – XIV	КШ
143	Пилипенковская-I, 1/2	2-я пол. XIII – XIV	К
144	Лебеди-VI, 1/8	2-я пол. XIII – XIV	КШ
145	Старониже- стеблиевская-I, 4/3	2-я пол. XIII – XIV	КШ
146	Малаи 3/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
147	Северный 1/1	2-я пол. XIII – XIV	КШ
148	Овальный/13	2-я пол. XIII – рубеж XIV	К
149	к-з им. Ленина 2/7	2-я пол. XIII – XIV	КШ
150	к-з им. Ленина 12/3	2-я пол. XIII – XIV	КШ
151	Праздничный	2-я пол. XIII – XIV	КШ
152	Ахтырский лиман-I, п.33	2-я пол. XIII – XIV	Ш
153	у Раевского городища 1/2	2-я пол. XIII – XIV	Ш
154	ст. Раевская	2-я пол. XIII – XIV	2К
155	Анапа к.3	XII-XIV	К
156	Анапа к.5	2-я пол. XIII – XIV	2К
157	Масхаги 2/1	XII-XIV	К
158	Масхаги 2/3	3-я треть XIII – 1-я треть XIV	Ш
159	Масхаги 3/1	XII-XIV	Ш
160	ст. Курчанская	2-я пол. XIII – XIV	КШ

- Антонова Е.В., Раевский Д.С., 2002.** Археология и семиотика// Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк.
- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002.** Половецкие погребения из Восточного Приазовья// Историко-археологический альманах. Вып.8. Армавир; Москва.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001.** Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье// Археология восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности Евразийских степей. Вып.15. Воронеж.
- Атавин А.Г., 2008.** Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы)// Древности Юга России. М.
- Бессонова С.С., 1984.** О культуре оружия у скифов// Вооружение скифов и сарматов. К.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003.** Средневековые рыцари Кубани// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.3. Краснодар.
- Бобринский А.А., 1901.** Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т.III. СПб.
- Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г., 1993.** Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии// Из истории Золотой Орды. Казань.
- Горелик М.В., 1979.** Средневековый монгольский доспех// Третий международный конгресс монголистов. Т.1. Улан-Батор.
- Горелик М.В., 1983.** Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.
- Горелик М.В., 1987.** Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.)// Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Горелик М.В., 1998.** Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии// Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Горелик М.В., 2002.** Армии монголо-татар X-XIV вв. М.
- Горелик М.В., 2003.** Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Горелик М.В., 2008.** Золотоордынские латники Прикубанья// МИАСК. Вып.9. Армавир.
- Горелик М.В., Дорофеев В.В., 1990.** Погребение золотоордынского воина у с.Таборовка// Проблемы военной истории народов Востока. Вып.II. Л.
- Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001.** Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды// Археология Поволжья. Пенза.
- Евглевский А.В., 2002.** Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX – XIV вв.)// Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000.** Восточноевропейские позднекочевнические сабли// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Ефимов К.Ю., 1999.** Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь”// ДА. № 3-4.
- Жуков К.А., 2005.** Русские сфероконические шлемы развитого средневековья// Воин. № 18. Самара.
- Зеленский Ю.В., 1997.** Позднекочевническое погребение со шлемом из Степного Прикубанья// Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир; Москва.
- Зеленский Ю.В., 1998.** Типология сопроводительного инвентаря из половецких погребений степного Прикубанья и Восточного Закубанья// Древности Кубани. Вып.13. Краснодар.
- Зеленский Ю.В., 2005.** К вопросу о датировке некоторых позднекочевнических погребений Степного Прикубанья// Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.
- Иванова С.В., 2002.** Погребальная обрядность: Дискурсивно-мировоззренческий аспект// Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.1. Донецк.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., 2000.** Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. Казань.
- Каменецкий И.С., 1999.** Один из факторов искажения погребального обряда// Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации древних идеологических представлений. М.
- Каминская И.В., 1989.** Погребение воина-кочевника татаро-монгольского времени из Степного Прикубанья// Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. и докл. областного науч.-практич. семинара. Донецк.

- Каракитай**, 1965// Советская историческая энциклопедия. Т.7. Каракеев – Кошакер. М.
- Кирпичников А.Н.**, 1959. Погребение воина XII-XIII вв. из Южной Киевщины (по материалам экспозиции АИМ)// Сборник исследований и материалов АИМ. Вып. IV. Л.
- Кирпичников А.Н.**, 1962. Шлем XII века из погребения кочевника (по материалам раскопок Кобяковской археологической экспедиции 1960г.)// Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону.
- Кирпичников А.Н.**, 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Вып.Е1-36. Л.
- Костюков В.П.**, 2006. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э.// Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск.
- Костюков В.П.**, 2009. Буддизм в культуре Золотой Орды// Тюркологический сборник 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.
- Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А.**, 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе “Высокая гора” на юге Воронежской области//ДА. № 3-4.
- Кубарев Г.В.**, 2002. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёёка// Материалы по военной археологии Алтая и сопредельной территории. Барнаул.
- фон Ленц Э.**, 1902. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда// ИАК. Вып.2.
- Липец Р.С.**, 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
- Лубсан Данзан**, 1973. Алтан Тобчи (“Золотое сказание”)// Памятники письменности Востока. М.
- Матюшко И.В.**, 2008. Захоронение бальзамированного воина XIII-XIV веков на левобережье Иртека// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Мифологический словарь**, 1991. М.
- Нарожный Е.И.**, 2005. Средневековые кочевники Северного Кавказа (Некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А.**, 2007. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Армавир; Ставрополь.
- Негин А.Е.**, 2001. Шлем из Городца: тайны, факты, гипотезы. Саров.
- Немеров В.Ф.**, 1987. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII – XIV вв.// СА. № 2.
- Ольховский В.С.**, 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий// СА. № 1.
- Ольховский В.С.**, 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура)// СА. №1.
- Отрощенко В.**, 2004. Нові сторінки історії половців// Чумацький шлях. № 4. К.
- Отрощенко В.В., Рассамкин Ю.Я.**, 1988. Взаимоотношения Руси с половцами в период формирования Золотой Орды (40-е – 60-е гг. XIII века)// Международные связи в средневековой Европе. Тез. докл. и сообщ. Запорожье.
- Очир-Горяева М.А.**, 2004. Конская узда в погребальном обряде кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья// Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В.**, 2006. Особенности расположения предметов узды в погребальных комплексах (по материалам могильника Кривая Лука)// Нижневолжский археологический вестник. Вып.8. Волгоград.
- Парусимов И.Н.**, 2007. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона// Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Москва; Иерусалим.
- Петров Ю.Ю.**, 1997. Древнерусские шлемы с полумасками// Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.
- Плетнева С.А.**, 1981. Печенеги, торки, половцы// Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Плетнева С.А.**, 1990. Половцы. М.
- Плетнева С.А.**, 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV-XIII века. Воронеж.
- Полидович Ю.Б.**, 1997. О размещении керамических сосудов в срубных погребениях// Археологический альманах. № 6. Донецк.
- Полидович Ю.Б.**, 2005. О некоторых семиотических аспектах функционирования сосудов в погребальных обрядах предскифского времени// Структурно-семиотические исследования в археологии. Т.2. Донецк.
- Потемкина Т.М.**, 2007. О металлических посудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени Восточной Европы// МИАСК. Вып.8. Армавир.
- Путешествия в восточные страны** Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.
- Семенова В.И.**, 2006. Археолого-этнографическое моделирование погребального обряда в структурно-семиотическом контексте// Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 7. Тюмень.

- Спицын А.А., 1905. Кочевнический курган близ г.Юрьева Польского// ИАК. Вып.15.
- Схатум Р.Б., 2003. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.3. Краснодар.
- Схатум Р.Б., 2005. Шлемы из Убинского могильника// Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.5. Краснодар.
- Схатум Р.Б., Дымченко В.М., 2003. Шлем из кургана № 24 Убинского могильника: атрибуция, реставрация, реконструкция// Магистериум. Вып.1. Краснодар.
- Усама ибн Мункыз, 1958. Книга назиданий. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Хойновский И.А., 1896. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Вып.1. К.
- Храпачевский Р.П., 2008. К вопросу о первоначальной численности монголов в улусе Джучи// Труды международных нумизматических конференций "Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XIV вв." IV-я МНК (Болгар 2005). V-я МНК (Волгоград 2006). М.
- Черленок Е.А., 2004. О расположении псалиев в погребениях Потаповского и Утевского могильников// Альманах молодых археологов. СПб.
- Черленок Е.А., 2005. Погребальный обряд начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2008. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае// Археологический журнал. № II. Армавир.
- Шалобудов В.Н., 1990. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Юрченко А.Г., 2008. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Arendt W., 1935. Der Nomadenhelm des fruhen Mittelalters in Osteuropa// ZHWK. N.F. Bd. V. Berlin.
- Brandenburg N.E., 1897. Eine alte Rustung gefunden in einem Hugelgraber Sudrussland// ZHWK. Bd.I (11). Berlin.
- Horváth F., 2001. A csengelei kunok ura és népe. Budapest.
- von Lenz E., 1924. In Russland gefundene Fruhmittelalterliche Helme// ZHWK. N.F. Bd.1 (10). Berlin.
- Swietoslawski W., 1999. Arms and Armour of the nomads of Great Steppe in the times of the Mongol Expansion (12th – 14th centuries). Lodz.

Summary

T.M.Potyomkina, Yu.A.Kuleshov (Donetsk, Ukraine; Moscow, Russia)

BURIALS OF EASTERN EUROPEAN MEDIEVAL NOMADS WITH ARMOR: ETHNOCULTURAL AND SOCIAL ASPECTS

Armor is a rather rare phenomenon in the late nomadic burials of Eastern Europe and this is associated with a special attitude to weaponry. Armor is known in the Polovtsy and the Golden Horde time (the 12th-14th centuries). There were no metal armors in burials of nomads in any earlier period. The explored burials (our sample includes 160 complexes) belonged exclusively to men. In pre-Mongolian time, the deceased were dressed in chain mail and a helmet that, along with their high property and social rank, emphasized their military belonging as well.

After the Tatar-Mongols arrived and the Juchi state formed, the Polovtsian world outlook and the canons of the funeral rite were transformed. As a result, all burials of supreme nobility and some burials with status objects and ordinary inventory, demonstrate a change in the rite: chain mail and a helmet began being placed in different parts of the grave.

An analysis of the complexes has shown that the location of chain armor and helmets in Eastern European late nomadic graves cannot serve as an ethnos marking attribute.

Статья поступила в редакцию в феврале 2009 г